

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей

МОНГОЛЬСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт истории и этнологии

МЕЖДУНАРОДНАЯ АССОЦИАЦИЯ МОНГОЛОВЕДОВ

**КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ МОНГОЛОВ:
РУКОПИСНЫЕ И АРХИВНЫЕ СОБРАНИЯ**

Пятая международная конференция
при поддержке Президента Монголии
19–21 апреля, 2021. Санкт-Петербург

**ПРОГРАММА
ТЕЗИСЫ**

Санкт-Петербург
Улан-Батор
2021

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute of Oriental Manuscripts

MONGOLIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute of History and Ethnology

INTERNATIONAL ASSOCIATION FOR MONGOL STUDIES

**CULTURAL HERITAGE OF THE MONGOLS:
MANUSCRIPT AND ARCHIVAL COLLECTIONS**

Fifth International Conference
under the Patronage of the President of Mongolia
April 19–21, 2021. St. Petersburg, Russia

**PROGRAMME
ABSTRACTS**

St. Petersburg, Russia
Ulaanbaatar, Mongolia
2021

ОРОСЫН ШИНЖЛЭХ УХААНЫ АКАДЕМИ
Дорно дахины гар бичмэлийн хүрээлэн

МОНГОЛ УЛСЫН
ШИНЖЛЭХ УХААНЫ АКАДЕМИ
Түүх, угсаатны зүйн хүрээлэн

ОЛОН УЛСЫН МОНГОЛ СУДЛАЛЫН ХОЛБОО

МОНГОЛ УЛСЫН ЕРӨНХИЙЛӨГЧИЙН ИВЭЭЛ ДОР
ЗОХИОН БАЙГУУЛЖ БУЙ

МОНГОЛЧУУДЫН СОЁЛЫН ӨВ:
ГАР БИЧМЭЛ БА АРХИВЫН БАРИМТЫН
ЦУГЛУУЛГА

Олон улсын эрдэм шинжилгээний 5 дугаар хурал
2021 оны 4 сарын 19–21, Санкт-Петербург

ХӨТӨЛБӨР
ИЛТГЭЛИЙН ХУРААНГУЙ

Санкт-Петербург хот
Улаанбаатар хот
2021

ОРГКОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

СОПРЕДСЕДАТЕЛИ ОРГКОМИТЕТА:

Член-корр. РАН, д. и. н.,
директор Института восточных рукописей РАН
Генеральный секретарь Международной ассоциации
монголоведов, академик МАН

Ирина Фёдоровна ПОПОВА

Сампилдондовын ЧУЛУУН

СЕКРЕТАРИ ОРГКОМИТЕТА:

д. ф. н., зав. Сектором Центральной Азии ИВР РАН
к. ф. н., н. с. Сектора Центральной Азии ИВР РАН
Ph. D., проф. Врио директора ИИЭ МАН
Ph. D., зав. Центром источниковедения, документов
и информации ИИЭ МАН

Ирина Владимировна КУЛЬГАНЕК

Дмитрий Алексеевич НОСОВ

Норовсамбуугийн ХИШИГТ

Батцэнгэлийн НАЦАГДОРЖ

ЧЛЕНЫ ОРГКОМИТЕТА:

Ph. D., И.о ученого секретаря ИИЭ МАН
д. и. н., зав. Отделом
Центральной и Южной Азии ИВР РАН
Ph.D., с. н. с. ИВР РАН
к. ф. н., с. н. с. ИВР РАН

Тамиржавын БИЛЭГСАЙХАН

Татьяна Дмитриевна СКРЫННИКОВА

Наталья Васильевна ЯМПОЛЬСКАЯ

Наталья Сергеевна ЯХОНТОВА

ЗОХИОН БАЙГУУЛАХ ХОРОО

ЗОХИОН БАЙГУУЛАХ ХОРООНЫ ДАРГА НАР:

Оросын ШУА-ийн Дорно дахины
гар бичмэлийн хүрээлэнгийн захирал
Олон улсын Монгол судлалын холбооны
Ерөнхий нарийн бичгийн дарга,
Монгол улсын ШУА-ийн академич

Ирина Федоровна ПОПОВА

Сампилдондовын ЧУЛУУН

ЗОХИОН БАЙГУУЛАХ ХОРООНЫ НАРИЙН БИЧГИЙН ДАРГА:

Оросын ШУА-ийн Дорно дахины гар бичмэлийн
хүрээлэнгийн Тэв Азийн секторын эрхлэгч,
хэл бичгийн ухааны доктор
Оросын ШУА-ийн Дорно дахины гар бичмэлийн
хүрээлэнгийн Тэв Азийн секторын ЭША,
хэл бичгийн ухааны дэд эрдэмтэн
Монгол улсын ШУА-ийн Түүх, угсаатны зүйн
хүрээлэнгийн захирлын үүргийг түр орлон гүйцэтгэгч,
Ph. D., проф.
Монгол улсын ШУА-ийн Түүх, угсаатны зүйн
хүрээлэнгийн Сурвалж судлал, баримт мэдээллийн
төвийн эрхлэгч, Ph. D.

Ирина Владимировна КУЛЬГАНЕК

Дмитрий Алексеевич НОСОВ

Норовсамбуугийн ХИШИГТ

Батцэнгэлийн НАЦАГДОРЖ

ЧЛЕНЫ ОРГКОМИТЕТА:

Монгол улсын ШУА-ийн Түүх, угсаатны зүйн
хүрээлэнгийн эрдэмтэн нарийн бичгийн даргын
үүрэг гүйцэтгэгч, Ph. D.,
Оросын ШУА-ийн Дорно дахины гар бичмэлийн
хүрээлэнгийн Тэв ба Өмнөд Азийн хэлтсийн эрхлэгч,
түүхийн ухааны доктор
Оросын ШУА-ийн Дорно дахины гар бичмэлийн
хүрээлэнгийн ЭШАА, Ph. D.
Оросын ШУА-ийн Дорно дахины гар бичмэлийн
хүрээлэнгийн ЭШАА,
хэл бичгийн ухааны дэд эрдэмтэн

Тамиржавын БИЛЭГСАЙХАН

Татьяна Дмитриевна СКРЫННИКОВА

Наталья Васильевна ЯМПОЛЬСКАЯ

Наталья Сергеевна ЯХОНТОВА

ORGANIZING COMMITTEE

CO-CHAIRS OF THE ORGANIZING COMMITTEE:

D.Sc. (History), Corresponding member of the RAS
Director of the IOM RAS

Irina F. POPOVA

Secretary General of the IAMS
MAS, academician

S. CHULUUN

SECRETARIES OF THE ORGANIZING COMMITTEE:

D.Sc. (Philology),
Head of the Section of Central Asian Studies at the IOM RAS

Irina V. KULGANEK

Cand. Sc. (Philology),
Researcher at the IOM RAS

Dmitrii A. NOSOV

Ph. D., prof.,
acting director of the IHE MAS

N. KHISHIGT

Ph. D., head of the Center for Source Studies, Documents
and Information of the IHE MAS

B. NATSAGDORJ

MEMBERS OF THE ORGANIZING COMMITTEE:

Ph. D., acting Academic Secretary of the IHE MAS

T. BILEGSIAKHAN

D.Sc. (History), Prof.
Head of the Department of Central Asian and
South Asian Studies at the IOM RAS

Tatiana D. SKRYNNIKOVA

Cand. Sc. (Philology),
Senior Researcher at the IOM RAS

Natalia S. YAKHONTOVA

Ph.D., Senior Researcher at the IOM RAS

Natalia V. YAMPOLSKAYA

РАСПИСАНИЕ КОНФЕРЕНЦИИ

ИНСТИТУТ ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ РАН
Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18

19 АПРЕЛЯ

ЗЕЛЁНЫЙ ЗАЛ

10:00 – 10:30 Регистрация участников

10:30 – 11:00 Приветствия

11:00 – 13:00 Пленарное заседание

13:00 – 14:00 Перерыв

ЗЕЛЁНЫЙ ЗАЛ

14:00 – 17:00. Секция 1.

ИСТОРИЯ, ИСТОРИОГРАФИЯ
МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ

КАБИНЕТ «ЛОТОСОВАЯ СУТРА»

14:00 – 17:00. Секция 2.

ЛИНГВИСТИКА. ТЕКСТОЛОГИЯ

17:30 Фуршет (кабинет «Лотосовая сутра»)

20 АПРЕЛЯ

ЗЕЛЁНЫЙ ЗАЛ

10:00 – 13:00 Секция 3.

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРЫ
МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ

КАБИНЕТ «ЛОТОСОВАЯ СУТРА»

10:00 – 13:00 Секция 4.

ИСТОРИОГРАФИЯ ФИЛОЛОГИИ

ЗЕЛЁНЫЙ ЗАЛ

14:00 – 17:00 Секция 5.

ИСТОРИКО-АРХИВНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

КАБИНЕТ «ЛОТОСОВАЯ СУТРА»

14:00 – 17:00 Секция 6.

ЛИТЕРАТУРА И КУЛЬТУРА
МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ

ЗЕЛЁНЫЙ ЗАЛ

17:00 – 17:30 Закрытие конференции

CONFERENCE SCHEDULE

INSTITUTE OF ORIENTAL MANUSCRIPTS, RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Palace Emb., 18, St. Petersburg, Russia

APRIL 19

THE GREEN HALL

10:00 – 10:30 Registration of participants

10:30 – 11:00 Greetings

11:00 – 13:00 Plenary Session

THE GREEN HALL

14:00 – 17:00 Session 1.

HISTORY. HISTORIOGRAPHY OF
MONGOLIAN PEOPLES

THE —LOTUS SUTRA” HALL

14:00 – 17:00 Session 2.

LINGUISTICS. TEXTOLOGY

17:30 Reception (the —Lotus Sutra” Hall)

APRIL 20

THE GREEN HALL

10:00 – 13:00 Session 3.

HISTORICAL AND PHILOLOGICAL
PROBLEMS OF THE CULTURE OF THE
MONGOLIAN PEOPLES

THE —LOTUS SUTRA” HALL

10:00 – 13:00 Session 4.

HISTORIOGRAPHY OF PHILOLOGY

THE GREEN HALL

14:00 – 17:00 Session 5.

ARCHIVAL STUDIES

THE —LOTUS SUTRA” HALL

14:00 – 17:00 Session 6.

LITERATURE AND CULTURE OF THE
MONGOLIAN PEOPLES

THE GREEN HALL

17:00 – 17:30 Closing Session

ПРОГРАММА / PROGRAMME
19 АПРЕЛЯ / APRIL 19

10:30 – 11:00 **ПРИВЕТСТВЕННЫЕ СЛОВА / GREETINGS:**

Ведущий: Д. А. Носов

И. Ф. ПОПОВА, член-корр. РАН, директор ИВР РАН

Д. РЭГДЭЛ, Президент Монгольской академии наук, академик

Д. ДАВАА, Чрезвычайный и Полномочный Посол Монголии в
Российской Федерации

С. ЧУЛУУН, Генеральный секретарь Международной ассоциации
монголоведов, академик МАН

А. БИРТАЛАН, президент Международной ассоциации монголоведов

Л. ЭНХ-АМГАЛАН, Член Государственного Хурала Монголии,
Министр образования и науки Монголии

Д. СУМЬЯАБАЗАР, Мэр города Улан-Батор

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

(председатель И. В. КУЛЬГАНЕК)

МЕСТО ПРОВЕДЕНИЯ: ЗЕЛЁНЫЙ ЗАЛ

PLENARY SESSION

(chaired by IRINA V. KULGANEK)

HELD IN THE GREEN HALL

- 11:00 – 11:30 С. ЧУЛУУН. О недавно обнаруженных в пустыне Гоби рукописях на бересте.
- 11:30 – 12:00 Л. ГАНБАТ. Описание военной тактики кочевников в сочинении –Асâibu‘l makdûr” Ибн-Арабшаха.
- 12:00 – 12:30 Т. Д. СКРЫННИКОВА. Обозначение элиты в анонимной «Алтан товч».
- 12:30 – 13:00 А. BIRTALAN, R. ATTILA. Introduction to the Oirat Texts-Corpus Kept in the Oriental Collection of the Library of the Hungarian Academy of Sciences.

13:00 – 14:00

ПЕРЕРЫВ / BREAK

19 АПРЕЛЯ
СЕКЦИЯ 1. ИСТОРИЯ. ИСТОРИОГРАФИЯ
МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ
(председатель Т. Д. СКРЫННИКОВА)
МЕСТО ПРОВЕДЕНИЯ: ЗЕЛЁНЫЙ ЗАЛ

APRIL 19
SESSION 1. HISTORY. HISTORIOGRAPHY OF
MONGOLIAN PEOPLES
(chaired by T. D. SKRYNNIKOVA)
HELD IN THE GREEN HALL

- 14:00 – 14:15 Ю. И. ДРОБЫШЕВ. Тибетская политика монголов (1205–1235 гг.).
- 14:15 – 14:30 Ю. В. КУЗЬМИН. Вопросы монгольской историографии в работах Н. П. Шастиной.
- 14:30– 14:45 Р. Ю. ПОЧЕКАЕВ. Правовые воззрения монголов в пословицах и поговорках.
- 14:45 – 15:00 С.-Х. Д. СЫРТЫПОВА. Источники исторической реконструкции биографии Дзанабазара (1635–1723).
- 15:00 – 15:20 ОБСУЖДЕНИЕ / DISCUSSION
- 15:20 – 15:30 ПЕРЕРЫВ / BREAK**
- 15:30 – 15:45 Н. А. СУТЯГИНА, Н.-О. ЭРДЭНЭ-ОЧИР. Материалы ноин-улинских курганов в музейных коллекциях и архивных собраниях России и Монголии.
- 15:45 – 16:00 Т. А. ПАН. "Уложение Китайской палаты внешних сношений" в русском переводе С. В. Липовцова.
- 16:00 – 16:15 Е. В. БОЙКОВА. Сотрудничество СССР и Монголии в области документального кино (по архивным материалам).
- 16:15 – 16:30 Н. С. ЯХОНТОВА. Аспиранты из Монголии в Академии наук СССР (Москва 1931–1938).
- 16:30 – 17:00 ОБСУЖДЕНИЕ / DISCUSSION

19 АПРЕЛЯ
СЕКЦИЯ 2. ЛИНГВИСТИКА.
ТЕКСТОЛОГИЯ
(председатель С. Н. ЦЕДЕНОВА)
МЕСТО ПРОВЕДЕНИЯ: КАБИНЕТ
«ЛОТОСОВАЯ СУТРА»

APRIL 19
SESSION 2. LINGUISTICS.
TEXTOLOGY.
(chaired by S. N. TSEDENOVA)
HELD IN THE —JUTUS SUTRA” HALL

- 14:00 – 14:15 Э. МӨНХЦЭЦЭГ. Монголын Үндэсний номын санд хадгалагдаж байгаа монгол-манж толь бичгийн нэгэн дурсгал.
- 14:15 – 14:30 К. В. АЛЕКСЕЕВ. Альтернативные сочинения в составе монгольского рукописного Ганджура.
- 14:30 – 14:45 Б. А. БИЧЕЕВ. Текст «Наставления Джибзун Дамба-хутукты» в частных коллекциях Калмыкии.

14:45 – 15:00	А. В. ЗОРИН, Б. В. МЕНЯЕВ. Об ойратской рукописи из личной коллекции акад. Г. З. Байера.
15:00 – 15:20	ОБСУЖДЕНИЕ / DISCUSSION
15:20 – 15:30	ПЕРЕРЫВ / BREAK
15:30 – 15:50	П. О. РЫКИН. «Ойратский фрагмент» в монгольской летописи <i>Erdeni tunimal neretü sudur</i> (ок. 1607 г.): опыт лингвистического анализа.
15:50 – 16:10	Н. В. ЯМПОЛЬСКАЯ. К вопросу о структуре монгольских рукописных Ганджуров XVII в.: особенности тома GA раздела «Сутры».
16:10 – 16:30	Д. Н-Д. ВАСИЛЬЕВА. Ревизские сказки Циркумбайкальского региона в тексте Цыбена Жамцарано «Buriyad-un aqui ogusi».
16:30 – 17:00	ОБСУЖДЕНИЕ / DISCUSSION

20 АПРЕЛЯ
СЕКЦИЯ 3. ИСТОРИКО-
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
КУЛЬТУРЫ МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ
(председатель Н. В. ЯМПОЛЬСКАЯ)
МЕСТО ПРОВЕДЕНИЯ: ЗЕЛЁНЫЙ ЗАЛ

APRIL 20
SESSION 3. HISTORICAL AND
PHILOLOGICAL PROBLEMS OF THE
CULTURE OF THE MONGOLIAN PEOPLES
(chaired by N. V. YAMPOLSKAYA)
HELD IN THE GREEN HALL

- 10:00 – 10:15 Л. С. ДАМПИЛОВА. Архивные материалы одной экспедиции.
- 10:15 – 10:30 Г. АЛТАНСУХ. О монгольских именах в Анонимном Шейбани-наме.
- 10:30 – 10:45 Б.-Х. Б. ЦЫБИКОВА. Устная историческая проза бурят Внутренней Монголии КНР: сюжеты и мотивы.
- 10:45 – 11:00 Д. С. ЖАМСУЕВА. Уникальная рукопись К. М. Герасимовой о пейзажных мотивах в буддийской иконописи (музейная коллекция Богдо-гэгэна).
- 11:00 – 11:20 ОБСУЖДЕНИЕ / DISCUSSION
- 11:20 – 11:30 ПЕРЕРЫВ / BREAK**
- 11:30 – 11:45 Б. НАЦАГДОРЖ. О сочинении 庫倫事宜 на маньчжурском и китайском языках.
- 11:45 – 12:00 Э. ПҮРЭВЖАВ. Произведения, подлежащие уничтожению: Акт от 12 мая 1937 года (Хэлмэгдсэн бүтээлүүд: 1937 оны 5 сарын 12-ны эдрийн нэгэн акт бичгийн тухай).
- 12:00 – 12:15 Р. Т. САБИРОВ. Хуухэн-хутухта О. Тагарваа и его значение в истории монгольского буддизма в XX в.
- 12:15 – 12:30 Т. И. ЮСУПОВА. Монгольский Ученый комитет в воспоминаниях российских ученых (1920–1950-е гг.).
- 12:30 – 13:00 ОБСУЖДЕНИЕ / DISCUSSION

20 АПРЕЛЯ
СЕКЦИЯ 4. ИСТОРИОГРАФИЯ
ФИЛОЛОГИИ
(председатель А.Д. ЦЕНДИНА)
МЕСТО ПРОВЕДЕНИЯ: КАБИНЕТ
«ЛОТОСОВАЯ СУТРА»

APRIL 20
SESSION 4. HISTORIOGRAPHY OF
PHILOLOGY
(chaired by A.D. TSENDINA)
HELD IN THE —JUTUS SUTRA” HALL

- 10:00 – 10:15 Э. БАЯРЧИМЭГ. Лхаарамба Агваандандарын найруулсан “Сарны гэгээн гэрэл” хэмээх дохионы бичгийн нэгэн хувилбарын тухай.
- 10:15 – 10:30 БАҮАНДАЛАЙ (Батан БАЙНДАЛАЙ). Списки текста «История о Большой ступе Джарунг-Кхашор» в научных библиотеках и частных коллекциях Китая.

- 10:30 – 10:45 Ю. Ж. ЖАБОН. Сочинения Халха Дамцик Дордже (1781–1855) из медицинской коллекции тибетского фонда ЦВРК ИМБТ СО РАН.
- 10:45 – 11:00 Н. Б. БАДМАЦЫРЕНОВА. Специфика фразеологии монгольской части словаря «Мукаддимат ал-адаб».
- 11:00 – 11:20 ОБСУЖДЕНИЕ / DISCUSSION
- 11:20 – 11:30 ПЕРЕРЫВ / BREAK**
- 11:30 – 11:45 Д. В. ДАШИБАЛОВА. О сочинениях Ринчена Номтоева в жанре «тайлбури».
- 11:45 – 12:00 А. Д. ЦЕНДИНА. О письменных руководствах по гаданию на кубиках на тибетском и монгольском языках.
- 12:00 – 12:15 Б. Л. МИТРУЕВ. Монгольское гадание на монетах.
- 12:15 – 12:30 А. А. СИЗОВА. Идентификация изображений в монгольской гадательной книге эпохи Юань из коллекции ИВР РАН.
- 12:30 – 13:00 ОБСУЖДЕНИЕ / DISCUSSION

20 АПРЕЛЯ

**СЕКЦИЯ 5. ИСТОРИКО-АРХИВНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

(председатель Д. А. НОСОВ)

МЕСТО ПРОВЕДЕНИЯ: ЗЕЛЁНЫЙ ЗАЛ

APRIL 20

SESSION 5. ARCHIVE STUDIES

(chaired by D. A. NOSOV)

HELD IN THE GREEN HALL

- 14:00 – 14:15 Р. М. ВАЛЕЕВ, Р. З. ВАЛЕЕВА. Российские монголоеды в Казанском университете и Казанской духовной академии (XIX — начале XX в.): Обзор рукописей и архивных материалов о монголоведении, Монголии и монголызычных народах России.
- 14:15 – 14:30 Г. А. ГРЕБЕНЩИКОВА. «Историко-этнографические аспекты десяти монгольских хошунов в докладах русских офицеров Командующему войсками Квантунской области». 1902 год.
- 14:30 – 14:45 И. М. ЗАХАРОВА, М. В. МАНДРИК. Экспедиции М. Д. и Н. Д. Бутиных 1870 и 1881–1882 гг. в Китай.
- 14:45 – 15:00 К. В. ОРЛОВА. Научные экспедиции в Западную Монголию (2012–2014 гг.).
- 15:00 – 15:20 ОБСУЖДЕНИЕ / DISCUSSION
- 15:20 – 15:30 ПЕРЕРЫВ / BREAK**
- 15:30 – 15:50 Ю. И. ЕЛИХИНА. Находки Монголо-тибетской экспедиции П. К. Козлова из Олон-сумэ (южный Хангай) в коллекции Государственного Эрмитажа.
- 15:50 – 16:10 Д. А. НОСОВ. Россыпи документов В. А. Казакевича: полевой дневник 1925 г.

- 16:10 – 16:30 М. В. ФЕДОРОВА. Этнографическая коллекция Д. Э. Ухтомского из экспедиции в Северную Монголию в 1910 г.
- 16:30 – 17:00 ОБСУЖДЕНИЕ / DISCUSSION

20 АПРЕЛЯ

**СЕКЦИЯ 6. ЛИТЕРАТУРА И КУЛЬТУРА
МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ**
(председатель М. П. ПЕТРОВА)
**МЕСТО ПРОВЕДЕНИЯ: КАБИНЕТ
«ЛОТОСОВАЯ СУТРА»**

APRIL 20

**SESSION 6. LITERATURE AND CULTURE
OF THE MONGOLIAN PEOPLES**
(chaired by M. P. PETROVA)
HELD IN THE —JUTUS SUTRA” HALL

- 14:00 – 14:15 А. А. ТУРАНСКАЯ. Рукопись «Алтун Ярук» из коллекции ИВР РАН как источник по истории Центральной Азии.
- 14:15 – 14:30 К. И. БИКМАЕВА. Национальные программы по монгольской письменности (Монгол бичгийн үндэсний хэтэлбэр) как основной документ в области монгольской письменности.
- 14:30 – 14:45 М. П. ПЕТРОВА. Контакты Л. К. Герасимович с монгольскими писателями. Письма Д. Батбаяра.
- 14:45 – 15:00 С. Н. ЦЕДЕНОВА. Жанрово-тематическое своеобразие прозы Сономын Удвал.
- 15:00 – 15:20 ОБСУЖДЕНИЕ / DISCUSSION
- 15:20 – 15:30 ПЕРЕРЫВ / BREAK**
- 15:30 – 15:45 А. А. СОЛОВЬЕВА. Устные автобиографии исполнителей ритуала луйджин (чод) в Монголии: текстуальные, ритуальные и социальные аспекты.
- 15:45 – 16:00 Ж. М. ЮША. Народные песни тувинцев Монголии и Китая: общность локальных традиций.
- 16:00 – 16:15 С. С. САБРУКОВА. Коллекция фотографий из фонда А. М. Позднеева (по материалам АВ ИВР РАН).
- 16:15 – 16:30 Н. В. ЗАХАРОВА, И. В. КУЛЬГАНЕК. Фотографии о Монголии и монголах в коллекциях ИВР РАН.
- 16:30 – 17:00 ОБСУЖДЕНИЕ / DISCUSSION

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ ЗАСЕДАНИЕ
(председатели: И. В. КУЛЬГАНЕК, Д. А. НОСОВ)
МЕСТО ПРОВЕДЕНИЯ: ЗЕЛЁНЫЙ ЗАЛ

CLOSING SESSION
(chaired by I. V. KULGANEK, D.A. NOSOV)
HELD IN THE GREEN HALL

- 17:00 – 17:30 ЗАКРЫТИЕ КОНФЕРЕНЦИИ (ПОДВЕДЕНИЕ ИТОГОВ, ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗОЛЮЦИИ) / CLOSING OF THE CONFERENCE

ТЕЗИСЫ

Introduction to the Oirat Text-Corpus Kept in the Oriental Collection of the Library of the Hungarian Academy of Sciences

The authors' objective is to introduce an ongoing project concerning the Oirat text-corpus kept in the Oriental Collection of the Library of the Hungarian Academy of Sciences (abbr. HAS). The 30 Oirat manuscripts belong to the "MONGOLICA" section and are later acquisitions via donation for the Library. The majority of the "OIRATICA" was presented as a gift by Professor B. Rinchen during his visits to Hungary or acquired by Hungarian scholars during field research. The Mongolist-linguist Bese Lajos was the first who described the entire Mongolica corpus in 1976,¹ and the complete cataloguing of the Mongolian and Manchu items was prepared by Kara György in 2000. Kara's comprehensive work offers a precise guideline into Mongolian written culture's treasures with rich references published until 2000 (articles or rarely books containing transcription, translation and analysis of some texts).²

In 2018 several new, international projects were launched concerning the MONGOLICA of the HAS (in cooperation with Professor Minggad Erdemtü's team). Among them, one project of the Department of Mongolian and Inner Asian Studies (University ELTE, Budapest) focuses on the OIRATICA, from various points of view: first of all on the full elaboration of all the items written in Oirat script, including transcription, English translation and linguistic and generic analysis (Project No. NKFHI P2 1207/18).

In the present paper, the project participants will summarise the generic variety of OIRATICA, the possible analysis methods of particular texts (Birtalan) and the linguistic and paleographic peculiarities (Rákos) of this small but varied collection.

К. В. Алексеев

Альтернативные сочинения в составе монгольского рукописного Ганджура

В состав рукописной редакции монгольского Ганджура 1628–1629 гг. входят переводы сочинений, которые отсутствуют в тибетоязычных версиях этого канонического сборника или включены лишь в некоторые из них.

Эти тексты можно разделить на три основные группы: альтернативные версии канонических сочинений, неканонические тексты и тексты *тэнчо* (тиб. *bstan bcos*).

К первой группе текстов относится, например, так называемая версия *зоджанг* (тиб. *gzo sbyangs*, *bzo sbyang*) сутры «Аштасахасрика», которая включена лишь в три рукописных тибетских Ганджура: Пхукдрак (тиб. *Phug brag*), лондонский и токийский. Другим примером такого рода является версия «Дзанлуна» (тиб. *mDzangs blun*) из 52 глав, наличие которой также зафиксировано только в лондонской рукописи и Ганджуре Пхукдрак. Также в монгольский рукописный Ганджур включена полная версия *дхарани-*

¹ Bese, Lajos: On the Mongolian and Manchu Collections in the Library of the Hungarian Academy of Sciences. In: Apor, Éva (ed.): *Jubilee Volume of the Oriental Collection, 1951–1976. Papers Presented on the Occasion of the 25th Anniversary of the Oriental Collection of the Library of the Hungarian Academy of Sciences.* (Keleti Tanulmányok/Oriental Studies 2.) Budapest, Magyar Tudományos Akadémia Könyvtára 1976. Pp. 43–60.

² Kara, György: *The Mongolian and Manchu Manuscripts and Blockprints of the Hungarian Academy of Sciences.* Budapest, Akadémiai Kiadó 2000. 610 p.

сутры «Аштадаршана», в то время как тибетские Ганджуры содержат сокращенный вариант этого текста.

Примером неканонического текста, перевод которого включен в монгольский рукописный Ганджур, является «Сказание о круговороте рождения и смерти» (тиб. *sKye shi 'khor ba'i chos kyi yi ge le'u*). Оригинал этого сочинения, по всей видимости, был составлен на тибетском языке под влиянием переводов с китайского. До нас дошли лишь его фрагменты, обнаруженные среди дуньхуанских рукописей. Текст «Сказания» не входит ни в один из известных на сегодняшний день тибетских Ганджуров.

В монгольском рукописном Ганджуре присутствует ряд текстов *тэнчо*, традиционно помещаемых в Данджур. Некоторые из них включены в тибетские Ганджуры ветви Тхэмпангма (тиб. *Thems spangs ma*) и отдельные рукописные сборники, другие встречаются только в Данджурах.

Наличие текстов подобного рода в монгольском рукописном Ганджуре указывает на то, что возможной моделью для его составления стал один из архаичных рукописных сборников, не принадлежащий ни к одной из основных групп тибетских Ганджуров.

Г. Алтансүх

Нэр нь тодорхойгүй зохиогчийн *Шейбани-наме* сурвалж дахь монгол хүний нэрийн асуудалд

Нэр нь тодорхойгүй зохиогчийн *Шейбани-наме* бол монголчуудын угсаа гарвал, Чингис хаан, түүний эвэг дээдсийн намтар, Хонгирад иргэний түүх ба Мухаммед Шейбани ханы намтар үйл ажиллагаанд холбогдох цагаадай хэлний нэг чухал сурвалж юм. Гэхдээ тус сурвалжийн судалгааг хийсэн И. Березин болон Яакуф Карасой, Мустафа Токер зэрэг эрдэмтэд сурвалжийн уг эхэд буй монгол хүний нэрийн алдааг нарийвчлан гаргаж тайлбар хийгээгүй байна. Энэ нь монгол хэл, монгол хүний нэрийн тогтолцоо, Чингис хааны эвэг дээдсийн нэрсийг сайн мэдэхгүй залуу судлаачид тус сурвалжийн судалгааг хийхэд нэлээд хүндрэл болохоор байна.

Тиймээс энэхүү илтгэлд Оросын судлаач И. Березиний 1849 онд Казаньд хэвлүүлсэн «Шейбаниада. История монголо-тюрковъ» бүтээлийн хавсралтанд уг сурвалжийн Оросын ШУА-ийн Азийн музей /Санкт-Петербург/- д хадгалагдаж буй эхийг бичгийн машинаар бичиж хэвлүүлснийг баримтлан, монгол хүний нэрийн бичилтэнд гарсан нийтлэг алдаанууд, түүнийг засаж жигдлэх тухай асуудлыг хэндэх болно.

Специфика фразеологии монгольской части словаря «Мукаддимат ал-Адаб»

Словарь «Мукаддимат ал-Адаб» («Предисловие к литературе»), автором которого является среднеазиатский писатель, философ, филолог, литератор Абуль-Касим Махмуд ибн Умар аз-Замахшари, по некоторым данным, был написан для хорезмшаха Ала ад-Дина Атсыза (1128–1156). Однако во введении к одному из бухарских экземпляров этого труда отмечается, что аз-Замахшари получил от хорезмшаха Атсыза предложение написать для его библиотеки один экземпляр ранее составленной им книги.

В фонде библиотеки имени Авиценны в Бухаре имеются два рукописных варианта сочинения аз-Замахшари. Первый вариант был переписан катибом Хамидом Хафизом в 705/1305 г. Как известно, труд аз-Замахшари состоит из пяти частей, которые посвящены именам, глаголам, частицам, склонению и спряжению. Хафиз переписал все пять разделов, однако только два раздела первого экземпляра, посвященные именам и глаголам, были переведены на персидский язык. Второй рукописный вариант был выполнен катибом Дарвиш Мухаммадом и датирован 898/1492 г. Данная рукопись содержит переводы арабских слов на персидский, тюркский и монгольский языки.

Говоря о монгольской части труда, необходимо отметить, что, по мнению Н. Н. Поппе, сам аз-Замахшари не мог быть ее автором, поскольку он скончался в 1143 г., задолго до появления монголов на Западе и проникновения туда сведений о них [Поппе 1938: 6]. Поэтому можно заключить, что монгольская часть словаря была написана в период до 1492 г. Однако, если опираться на данные В. А. Звегинцева, то можно прийти к выводу, что перу аз-Замахшари принадлежит исключительно арабско-персидская часть словаря [Звегинцев 2007: 65–66]. Н. Н. Поппе писал: «Самый материал может быть, безусловно, несколько древнее, чем 1492 г., ибо совпадает с данными языков XIV столетия, что доказывается значительным количеством языковых особенностей его, характерных именно для начала и середины XIV столетия» [Поппе 1938: 6–7]. Язык монгольской части сочинения аз-Замахшари представляет собой типичный пример монгольской речи периода XII–XIV вв., поскольку данный языковой материал, равно как и данные других памятников того времени, характеризуется начальным спирантом [h] и явлением выпадения интервокального [g] в комплексах аүи, егү и, по мнению Н. Н. Поппе, «наиболее близок к монгольскому языку» [Поппе 1938: 7].

Монгольский языковой материал словаря представляет собой особую ценность, т. к. насчитывает несколько тысяч лексических единиц и, что важно для фразеологии и синтаксиса, слова даны в виде словосочетаний. Целью настоящей работы является выявление специфики фразеологического фонда монгольской части словаря «Мукаддимат ал-Адаб». Наши наблюдения показали, что корпус фразеологизмов словаря составляет порядка 30 единиц.

Исследуемый фразеологический материал, наряду со своей ценностью, характеризуется также и необычностью с точки зрения порядка слов в предложениях, фразах и словосочетаниях, что связано с переводным характером как монгольской, так и тюркской части словаря.

Анализ монгольской части словаря «Мукаддимат ал-Адаб» показал, что монгольский язык того времени был уже отмечен устойчивыми единицами, которые перешли в неизменном виде в живые монгольские языки: *köl kündü* «беременная» [Поппе

1938: 221], *ügede`en kübe* «сдержал обещание» [Поппе 1938: 373], *kēli abuba* «получил взятку» [Поппе 1938: 218].

Однако нужно отметить, что большую часть монгольских фразеологизмов составляют кальки с арабского и тюркского языков. Все зафиксированные в словаре кальки образованы с помощью транслексикализации. При транслексикализации происходит процесс замещения компонентов иноязычного фразеологизма соотносимыми словами, что позволяет сохранить внутреннюю форму фразеологической единицы, характер ее мотивации. Но калька для заимствующего языка — необычное сочетание слов, поэтому в результате калькирования затемняется внутренняя форма исконной единицы.

Под транслексикализацией понимается точное замещение компонентов, например: *dotar nōkčibe* «расстройство желудка» (досл. «нутро умерло») [Поппе 1938: 143]. Прототипом единицы, возможно, был арабский фразеологизм, к которому автор подобрал соответствующую тюркскую кальку *iči õtti* «расстройство желудка» (досл. «нутро прошло»).

Фразеологическая единица *aminu qočaruqsan* «бессмертие» [Поппе 1938: 101] (досл. «остаток души»), имеет в своем составе компонент *qočaruqsan* со значением «оставшееся», который является дословным переводом тюркского слова *baqisi*, имевшего значения: а) «остаток», б) «вечный».

При исследовании калькированных фразеологизмов становится очевидным, что неизвестный автор тюркско-монгольской части словаря в лучшей степени владел чагатайским языком, нежели монгольским, скорее был носителем этого тюркского языка. Анализ таких единиц, как *köke kürkirebe* «гром гремел» (досл. небо кричало), *küjün sunaba* «подчинился» (досл. вытянул шею) [Поппе 1938: 220, 226] показывает, что они были переведены дословно с тюркских фразеологизмов *kök kükredi* от *kök kökrä-* [ДТС 1969: 313] и *bojun sundi* от *bojun su-* [ДТС 1969: 514].

Кроме того, среди анализируемых фразеологизмов существует группа образных терминологических сочетаний типа *narın ebeçitü* «больной чахоткой» (досл. имеющий тонкую болезнь), *eljigenü qoraçai* «мокрица» (досл. ослиный червь) [Поппе 1938: 246, 152].

Итак, изучение корпуса фразеологизмов монгольской части словаря «Мукаддимат ал-Адаб» показало, что в основном деривационными базами многих монгольских фразеологизмов стали арабские и тюркские единицы. Кроме того, существуют небольшой пласт собственно монгольских фразеологизмов и группа образных терминов. Таким образом, для истории фразеологии монгольского языка большой интерес представляет изучение фразеологического материала в отдельные, особенно важные периоды развития языка, зафиксированные в письменных памятниках.

Литература:

ДТС 1969 — Древнетюркский словарь. Л.: «Наука», 1969.

Звегинцев 2007 — Звегинцев В. А. История арабского языкознания. Краткий очерк. — 3-е, стереотипное. — М.: КомКнига, 2007.

Поппе 1938 — Поппе Н. Н. Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб. Часть I–II. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1938.

**Списки текста «История о большой ступе Джарунг-Кхашор»
в научных библиотеках и частных коллекциях Китая**

Сочинение «История Большой ступы Джарунг-Кхашор», основанное на непальской легенде о постройке ступы Джарунг-Кхашор бедной птичницей, было широко известно монгольским народам. Это было достаточно распространенное в прошлом произведение, о чем свидетельствуют многочисленные рукописи, хранящиеся в научных и частных коллекциях. По данным известных нам каталогов, в научных архивах и библиотеках, а также в частных коллекциях рукописей Монголии, России и Китая, находятся 42 экземпляра этого сочинения, из которых 18 хранятся в России, 13 — в Монголии и 11 текстов в Китае. Среди них 12 рукописей на ойратском «ясном письме», три ксилографа и одна литография.

«История Большой ступы Джарунг-Кхашор» относится к малоизученным памятникам монгольской литературы. Точная дата появления этого апокрифического текста неизвестна. По предположениям исследователей, текст мог быть составлен в XIV в. на основе более древней непальской легенды [Цендина 1995: 225]. Перевод этого сочинения с тибетского языка на монгольский язык видимо появился достаточно рано, во всяком случае, до появления алфавита «ясное письмо» в 1648 г.

«История Большой ступы Джарунг-Кхашор» известна на монгольском языке под несколькими названиями — «*Vyarong ka-šor suburyani touji orošiba*», «*Yeke suburyan Vyarong-Kašoriyin eši sonoson getülkü kemēkü*», «*Süm-e subury-a bosqaysan-u sistar orosiba*» и др.

Среди монгольских рукописей, хранящихся в Китае, есть два бурятских ксилографа. Один из них находится в библиотеке Шанхайского отделения Китайской академии общественных наук.

№ 02728 *Yeke subury-a T:bya-rung-kha-shor-un tuyujī sonosu-γad getülgegči kemegdekü orošiba:*

Бур. ксил, 38 л., 7 × 37,6, рус. бумага.

Инициатор перевода: *Rab gbinms pa blovabzang gluskrub, Dkebšis ligš ldan*

Переводчик: *dkhe e bju pa cuvas gii rkinlmzan aratu*

[Yerüngkei garčag 1999: 569]

Второй экземпляр бурятского ксилографа хранится в личной коллекции профессора Университета Внутренней Монголии Гарди (г. Хух-Хото).

В Кабинете монгольского языка Монгольского автономного уезда Фусинь в провинции Ляонин находится электронная копия литографического издания.

№ 02733 *Yeke suburyan T:bya-rung-kha-shor tuyujī-yi soyorqaysan-iyar yekede tonilyaγči kemegdekü sudur orošibai:*

Электронная копия литографии, 20,5 × 14,6.

[Yerüngkei garčag 1999: 569]

Три монгольские рукописи находятся в г. Хух-Хото в коллекции рукописей Национальной библиотеки Автономного района Внутренней Монголии КНР.

№ 02726 *Üyiledcū bolqu kemen ama aldayсан yeke suburyan-u tuyji sonosoγsan tedüyiken-iyer yekede getülgegči kemegdekü bičig*

Монг. рук., тетрадь, 20 × 23, черная тушь, кисть.

Инициатор перевода: *Yeke süsüg bisireltü rabjamba Norbusampel*

Переводчик: *Lubsangdongrob*

Дата перевода: *Arban dörbedüger usun morin jil boqda ežen törö gereltü-yin qoyaduqar on qvrban sarayin arban tabun-a* (1822)

место перевода: *Barayibung keyid*

[Yerüngkei garčag 1999: 568]

№ 02727 *Yeke subury-a T:bya-rung-kha-shor-un tuyji*

Монг. рук., 42 л., 13 × 44, черная тушь, кисть.

Переводчик: *čing huvraq Sireb*

Библиотека Внутренней Монголии

[Yerüngkei garčag 1999: 569]

№ 02734 *Yeke subaray-a T:bya-rung-kha-shor-un domoq:*

Монг. рук., 32 л., 14 × 50, калам.

Библиотека Внутренней Монголии

[Yerüngkei garčag 1999: 570]

Три монгольские рукописи и одна рукопись на «ясном письме» находятся в Библиотеке Академии общественных наук Автономного района Внутренней Монголии КНР.

№ 02730 *T:bya-rung-kha-shor kemen aldaršiγsan suburyan-u tuyji:*

Монг. Рук., тетрадь, 26,2 × 24, черная тушь, кисть.

Библиотека Академии общественных наук Внутренней Монголии

[Yerüngkei garčag 1999: 569]

№ 02731 *Jariüng gšüür [T:bya-rung-kha-shor] suburyan-u namtar orošiba:*

Монг. Рук., тетрадь, 26,2 × 24, черная и красная тушь, кисть.

Библиотека Академии общественных наук Внутренней Монголии

[Yerüngkei garčag 1999: 569]

№ 02732 *Yeke subaray-a jariüng kašiyür T:bya-rung-kha-shor]-yin čedeg sonosqui-bar getülgegči kemen orošiba:*

Монг. Рук., тетрадь, 23,3 × 13,6, черная и красная тушь, кисть.

Библиотека Академии общественных наук Внутренней Монголии

[Yerüngkei garčag 1999: 569]

№ 02729 *Eke suburyan T:bya-rung-kha-shor-riyin eši cinar üzülügsen kemēkü orošibo:*

Ойр. рук., 19 л., 9,4 × 36,8, черная и красная тушь, калам.

[Yerüngkei garčag 1999: 569]

Еще одна рукопись на «ясном письме» хранится в личной коллекции Хоган Бурентогуса (г. Монголкурэ СУАР КНР).

Byarong ka šour kemēkū sudur orošiboi:

Ойр. рук., 20 л., 11 × 36, черная и красная тушь.

Личная коллекция Хоган Бурентогус (г. Монголкурэ СУАР КНР)

[Erdemtu 2009: 70]

Литература:

Цендина 1995 — Цендина А. Д. История о Большой ступе Джарунг-Кхашор. Перевод с тибетского языка, введение и примечание // Тибетский буддизм. Теория и практика. Новосибирск, 1995. С. 223–252.

Erdemtu 2009 — *Erdemtü Mingyad*. Šinjiyang-un ili-yin xasag ündüsüten-ü öbertegen jasax zhu-yin ögeled mongyulčuud-un xadaγalagdaγu bayiy-a mongyul хаγуичин ном биçиг-un γарçag. Begejing-ün di sin keblekü üyildebüri, Begejing, 2009. 209 h.

Yerüngkei garçag 1999 — Dumdadu ulus-un erten-ü mongyul nom биçиг-ün yerüngkei garçag. Begejing: Begejing nom-un sang keblel-ün хориу-а, 1999, 2310 h.

Э. Баярчимэг

Лхаарамба Агваандандарын найруулсан

—Сарвы гэгээн гэрэл” хэмээх дохионы бичгийн нэгэн хувилбарын тухай

Олноо Алшаа лхаарамба, Дандар лхаарамба хэмээн алдаршсан, их эрдэмтэн Агваандандарын 1838 онд найруулсан тэвэд үсгийн цагаан толгойн үсэг дараалуулсан “Нэр утгыг тодотгогч сарны гэгээн гэрэл хэмээгдэх дохионы бичиг оршвой” (товч нэр: “Сарны гэгээн гэрэл”) хэмээх тэвэд-монгол хоёр хэлний дохионы бичиг нь зохиогдсон цагаасаа хойш модон бараар тэддигүй мэн гар бичмэл хэлбэрээр ч тархсан байдаг.

Тэгвэл ийм гар бичмэлийн нэгэн хувилбар болох тэвэд-ойрад гар бичмэл эхийг Баруун хойтын үндэсний их сургуулийн багш Б. Мэнхээ, Монгол Улсын Боловсролын Их Сургуулийн багш На. Сүхбаатар нар 2018 онд Улаанбаатар хотноо гэрэл зургаар эрхлэн хэвлүүлж олон нийтэд танилцуулан судалгааны эргэлтэд оруулжээ. Уг гар бичмэл хувилбарыг Ховд аймгийн Манхан сумын Раашгонзэглин хийдийн хамба лам Г. Ядамжав анх илрүүлж, “Тод номын гэрэл” сонин (2016.08.№01/13/-д товч танилцуулга бичин шинжлэх ухааны эргэлтэд оруулж байсан тухай эрхлэн хэвлүүлэгчид номын эмнэх үгэндээ дурджээ.

Уг хувилбар нь шашин номын хүрээнд тухайн уншигч, хэрэглэгчийн мэдлэгт тохируулж тэвэд үсгээр ойрад аялгууг галиглан тэмдэглэснээрээ бусад хувилбараас онцлог ялгаатай байна. Зохиогч тус эгүүлэлдээ “Тод номын гэрэл тэв”-ээс 2018 онд хэвлэн гаргасан уг тэвэд-ойрад гар бичмэл “Сарны гэгээн гэрэл” толь бичгийн хэлний зарим онцлогийн тухай дурджээ. Мөн Монгол улсын ШУА-ийн Хэл зохиолын хүрээлэнгийн Дуун ухааны тасгийн “Монгол номын хэмрэг”-т хадгалагдаж буй А-0975 дугаартай “Ner-e udq-a-yi todudqayči saraᠨ-u gegen gerel kemegdekü dokiyan-u biçig orusiba” хэмээх эхийн тэвэд үсгээр галигласан зарчмыг дээрх гар бичмэл хувилбартай харьцуулан үзжээ. Бээжин бар, 62 хуудас [дутуу], 10 × 51,5, 4 мэр. Уг судрын эхний 21 нүүрэнд хагархай “”-ийн аймаг болон “”-ийн аймгийн эхний 5 мэр тэвэд-монгол бичгийн харалдаа доор нь давхар тэвэд үсгээр, монгол үгийг галиглаж хадсан байна.

Тэвэд үсгээр ойрад аялгуугаар — *—Өгүүлэгдэхүүн утгын махны өнгийг үл халхлах, өгүүлэгч үгийн сайн үүнийг, элдэв үзгийн (үсгийн) олон ширхгийг эвлүүлж, билгийн хуруугаар сайтар нэхэж бүтээв би алимад дохио барилдуулах ёсонд эс мэргэжвээс, хоёр ёсны ялгалд мунхрах болоод, мэргэдийн сууринд суухуйяа зохисгүй тул, тэр ёсонд үл тэсэхдээ энэ учирт оролдвой. Энэ нь дуришилтны эрэл хангагч, сайн бумба хийгээд, сайн зарлигийн далайн сонин юмыг үзэх нүдэн, дохио утгын сайхан царай тодрогч толь бөгөөд, элдэв зүйлийн нэрийтгэлийг гийгүүлэгч зул мөн, аяа нэр утгыг тодотгогч сүр жавхлангаар, мунхгийн харанхуйг нэгэн агишинд үлдэгч, нарны гэрлээс ч асар тодорхой, чихний чимэг үүнийг, бүгдээр дууны баригч байн, гийгүүлэх цог болгогтун, боловч хамаг номын магад үгсэд, очтой гэгээн тод билиг олсонгүйн тул, мэдэлгүй буруу номносон гэмээр халдсан болбоос, энэрэн хүлцэж шамдлаар ясан (засан) ажаамуй, үүнд хичээсэн буяны мэргэн их худалдаачны ноён тэр”* гэж орчуулаад цааш орчуулалгүй орхисныг На.Сүхбаатар нарын гэрэл зургаар хэвлүүлсэн бүтээлд кирилл монгол болон тод монгол үсгээр орчуулан гаргасан байна.

К. И. Бикмаева

**Национальные программы по монгольской письменности
(Монгол бичгийн үндэсний хөтөлбөр) как основной документ
в области монгольской письменности**

Вопросы языковой политики были актуальны для Монголии всегда. В первую очередь это касается сферы письменности. Процессы унификации и реформирования письма происходили и в средние века, и в XX веке, и продолжаются в XXI веке.

На протяжении уже более 30 лет в Монголии не утихают споры о необходимости возрождения и введения монгольской традиционной письменности как полноценной альтернативы кириллице. Дискуссия ведется, как в академической среде, так и в обществе в целом. И хотя основным по-прежнему остается кириллический алфавит, правительство всячески старается повысить популярность монгольской национальной письменности и способствует ее распространению среди населения. В частности, начиная с 1995 года, в этих целях были приняты три «Национальные программы по монгольской письменности».

Данный доклад носит источниковедческий характер. Его цель — рассмотреть три программы и на основе текста документов проследить, как менялись задачи и способы реализации языковой политики в области письменности в Монголии. Также на основании дополнительных источников мы проанализируем результаты выполнения первых двух программ и рассмотрим целесообразность третьей программы, принятой в марте 2020 года. Являясь основным документом, формирующим политику развития и распространения монгольской письменности, программы наглядно показывают, насколько с 1995 по 2020 год изменилось отношение к письменности. Теперь основной целью является не возрождение монгольского традиционного письма, а его всестороннее распространение, издание СМИ на национальном письме и, возможно, достижение абсолютной грамотности в данной области. В какой-то степени можно говорить о том, что третья программа по национальной письменности демонстрирует нацеленность на формирование представления «интеллигентный человек должен владеть монгольской письменностью». Однако стоит отметить, что по-прежнему речь об отмене или отказе от кириллицы не идет.

При написании доклада основным источником были национальные программы по монгольской письменности, материалы СМИ и доклады монгольских историков и филологов на монгольском языке. Также для более глубокого понимания теории языковой политики использовались различные теоретические материалы на английском языке.

Б. А. Бичеев

Текст «Наставления Джибзун Дамба-хутукты» в частных коллекциях Калмыкии

Каждый верующий калмык старшего поколения знает о существовании древней «Книги предсказаний» («*Элдхлин зэрг*»). Под таким названием народная память сохранила текст под названием «Наставления Джибзун Дамба-хутукты», который был широко распространен и имелся в каждой калмыцкой семье [Смирнов 1884: 388].

О широкой распространенности этого текста свидетельствует более 30 рукописей, хранящихся в разных фондах и частных коллекциях России, Монголии и Китая [Орлова 2002, Сазыкин 2003, Gerelmaa 2005]. Факсимиле рукописи, русский перевод текста, переложение на современный калмыцкий язык, устные его варианты опубликованы исследователями [Очиров 2006, Элдхл 1995, Бичеев 2003, Бадмаев 2012, Меняев 2016].

К известным исследователям текстам следует причислить еще три рукописи на «ясном письме», обнаруженные в Калмыкии в последние годы. Однако вначале, следует указать некоторые сведения о рукописи из личной коллекции Н. К. Утиевой (далее — **К-UN**). Н. К. Утиева (1928–2015) проживала в п. Шин-Мер. Текст «Наставления Августейшего Джибзун Дамба-хутукты», а также некоторые культовые предметы, перешли к ней по наследству от отца, который был буддийским монахом.

Текст написан в школьной тетради с рамкой «Рижский магазин». На обложке синими чернилами нарисовано здание, увенчанное символами Трех драгоценностей. Слева от здания нарисовано дерево. Сверху облака, солнце, луна и колесо учения. На правой стороне фасада расположено окно. Слева — название произведения — «*Boqdo jibezen damabe blamin gegeni zarligiqgen bičiq oršabai*».

На внутренней стороне обложки другим почерком написано: *Baya dörböd nutuyai baqšin šabiner anggini söböng blamiyin ike xurali doqtu bayidaq Ubušin Jalcong araši gelen. Taka jilin 10 sarin 15-du. 1921 года. Сөбөнгө Ламын Ики хурула Г. Убушиев (Убушиев Джалцан Араши гелонг, сойбон Ики-Хурула, из рода багшин шебенеры Малодербетовского нутука. Год курицы, 10-й месяц 15-е день 1921 г. Сойбон Ики-Хурула Г. Убушиев)*. На другой стороне обложки под рамкой на «ясном письме» и кириллицей написано: *Jalcang arši gelenggen teturad ene mön. Жалоцон Араши гелон* (Это тетрадь Джалцан араши гелонга).

К-UN Личная коллекция Н. К. Утиевой.

Калм. рук., 7 л. + 1 чистый л., 15 стк., тетрадь в линейку с рамкой «Рижский магазин П. Г. Бестужева», формат тетради 17,7 × 21,8, черная тушь, перо.

Таким образом, исходя из имеющихся данных, можно датировать рукопись **К-UN** началом XX в. Текст написан с отступлениями от норм классического «ясного письма», которые характерны для калмыцких рукописей конца XIX и начала XX вв.

Другая рукопись находится в личной коллекции жителя с. Троицкое (далее — **К-Т**). Текст также написан на тетрадных листах, но уже советского производства.

К-Т Личная коллекция из с. Троицкое.

2г. *Boqdo jibezen damba blaman gēgeni zaralegen altan bičiq oršoba: oṃ sayin amuyalung bolotoya:: :: ::*

Калм. рук., 9 л. + 2 чистый л., 12 стк., формат тетради 9,7 × 20,5, черная тушь, перо.

На последней странице рукописи другим почерком и синими чернилами написано — *Süzüq töqsöqsön Cebge Bütüke butalgeba mingyan yisen zun taiban namadačĭ jilin aprel saran arban хоуорату Оčiriyin ülmĭ bičiba* (Преисполненная веры Цебекова Бютке заказала. Написал Очиров Улюмджи 12 апреля 1958 г.). Текст **К-Т** также написан с отступлениями от норм «ясного письма».

Третий текст был обнаружен в коллекции рукописей Богдакинского хурула п. Хара-Булук (далее — **К-НВ**).

К-НВ Коллекции рукописей Богдакинского хурула (п. Хара-Булук).

л. 1v. *Boqdo jibzun damba blamiyin gegēni zarliq bičiq orošoboi:: ::*

Калм. рук., сшитая по длинной стороне листа, 6 л., 20–23 стк., 23 × 8,6, рус. бумага, черная тушь, калам. Края листов повреждены, имеются разрывы и заломы.

Исходя из почерка, классического написания слов и бумаги рукопись **К-НВ** можно датировать первой половиной XIX в.

Последний, четвертый текст находится в коллекции рукописей хурула п. Бага-Чонос (далее — **К-ВЃ**).

К-ВЃ л. 1г. *Boqdo jibzun damba xutuqtuyin gegēni zarligiyin bičiq orošiboi:: ::*

л. 1v. *Ölzöi xutuq oroši: oṃ sayin amuṃoulang boltuṃai: suka-vadiyin oron-ēce buuĭ ireqsen ariun beyeyin činar oloqsun: olon töröl üzüüleqsen arban oroni boqdo jibzun damba blamayin gegēni zarligiyin bičigi külĭ sonosuqton:: ::*

л. 6v. *xamuq mou iro osoldoxu boltuṃai: ölzöi xutuqgiyin coq badaran gzambu-tib yertünčüdü nasun xutuq toqtoxu boltuṃai: oṃ mā ĩi pad me huṃ:*

Калм. рук., 6 л., 30–33 стк., 20,7 × 5,6, рус. бумага, черная тушь, калам. В верхней части листов следы от масла.

На последнем листе рукописи поздняя приписка синими чернилами — *Töbüdün* и инициалы Б. Т., дублированные тибетскими буквами. Это одна из наиболее старых рукописей текста «Наставлений Августейшего Джибзун Дамба-хутукты».

Литература:

Бадмаев 2012 — Бадмаев А. В. Лунный свет: калмыцкие историко-литературные памятники. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2012. 477 с.

Бичеев 2003 — Бичеев Б. А. Этнообразующие доминанты духовной культуры запальных монголов (ойратов). Элиста: КалмГУ, 2003. 204 с.

Меняев 2016 — Меняев Б. В. Буддийские наказания и пророчества в культуре калмыков и ойратов. Элиста: КалмНЦ РАН, 2016. 180 с.

- Орлова 2002 — Орлова К. В. Описание монгольских рукописей и ксилографов, хранящихся в фондах Калмыкии. Бюллетень Общества востоковедов. № 5. М.: ИВ РАН, 2002. 85 с.
- Очиров 2006 — Очиров Н. О. Живая старина: из литературного наследия. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2006. 398 с.
- Сазыкин 2003 — Сазыкин А. Г. Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения РАН. Т. 3. М.: Восточная литература, 2003. 280 с.
- Смирнов 1884 — Смирнов П. Опыт перевода с калмыцкого языка на русский рукописи под заглавием: «Послание святого, славного Джебцуна Дамбы ламы» // Астраханские епархиальные ведомости за 1884 г. № 23, Астрахань: Типография Астраханского Справочного Листка», 1884. С. 382–388.
- Ээлдхл 1995 — Ээлдхл (Предсказание): литературно-художественное издание. Научная обработка и подготовка к изданию *В. П. Дарбаковой*. Элиста: АПП «Джангар», 1995. 75 с.
- Gerelmaa 2005 — Gerelmaa G. Brief Catalogy of Oirat Manuscripts Kept by Institute of Language and Literature bu Gerelmaa Guruuchin. Ulaanbaatar: Institute of language and literature, Academy of Sciences of Mongolia, 2005. 270 p.*

Е. В. Бойкова

Сотрудничество СССР и Монголии в области документального кино (по архивным материалам)

В 1951 г. на экраны вышел полнометражный документальный кинофильм «Монгольская Народная Республика», созданный кинематографистами Центральной студии документальных фильмов (Москва) совместно с монгольскими коллегами (киностудия «Монголкино»). Фильм был создан к 30-летию юбилею Монгольской народной революции.

Одним из кинооператоров этого фильма был Л. Т. Котляренко. Помимо съемок фильма он сделал большое количество фотографий, на которых запечатлел руководителей Монголии, жителей страны. В настоящее время фотографии хранятся в архиве семьи кинооператора и до сих пор не были опубликованы. Они представляют немалый интерес с точки зрения того, какой увидел Монголию начала 1950 годов советский кинематографист.

Р. М. Валеев, Р. З. Валеева

Российские монголоеды в Казанском университете и Казанской духовной академии (XIX — начале XX в.): обзор рукописей и архивных материалов о монголоведении, Монголии и монголоязычных народах России

(Исследование выполнено в рамках проектов РФФИ (№ 20-09-00385) и РНФ (№ 21-18-00124))

В докладе будет представлен комплексный историко-архивный и источниковедческий обзор и систематизация ключевых материалов Государственного архива Республики Татарстан, связанных с деятельностью монголоведов-ученых и

практиков в Казанском университете (1828–1855 гг.) и Казанской духовной академии (1845–1919 гг.).

Первая типологическая группа архивных материалов: о формировании монголоведения, разнообразных сведений о Монголии и монголоязычных народах России связана с жизнью и наследием О. М. Ковалевского (1800/01–1878), А. В. Попова (1808–1865) и плеяды российских монголоведов — Г. Никитуева (род. около 1808–?), Г. Гомбоева (1822–1863), Д. Банзарова (ок. 1822–1855), К. Ф. Голстунского (1831–1899), В. П. Васильева (1818–1900), А. А. Бобровникова (1821–1865). Оригинальный пласт неопубликованных сведений и фактов связан с образованием кафедры монгольской словесности в императорском Казанском университете, которая стала академическим рубежом комплексных, целенаправленных и качественных монголоведческих исследований в университетских и академических центрах России и Европы по сравнению с предшествующим практическим и академическим монголоведением, сформировавшимся в XVII–XVIII вв.

Следующая группа источников связана с образованием в январе 1845 г. в составе Казанской духовной академии «восточного разряда (кафедры)» — монгольско-калмыцкого, просуществовавшего до 1854 г. Будет уделено внимание оценке пласта материалов, посвященных идеям и принципам преподавания монгольского языка, изучения истории и культуры монгольских народов в середине 40-х гг. XIX в. профессором восточного разряда университета А. В. Поповым. Это источники, относящиеся к 1844–1845 гг., когда студенты духовной академии были допущены к слушанию в Казанском университете лекций по языкам — монгольскому и калмыцкому.

Последняя группа архивных источников посвящена преподаванию и изучению монгольских предметов в Казанской духовной академии во второй половине XIX в. — первые десятилетия XX в. Ключевую роль занимают материалы деятельности профессора В. В. Миротворцева (1838–1891, монгольский язык, изложение и критический разбор основных начал буддизма); священника И. Попова (1892–1909, история ламаизма и монгольский язык); архимандрита Гурия (калмыцкий язык, история распространения христианства среди монгольских племен и этнография); иеромонаха Амфилохия (Скворцов, с 1911 г., тибетский язык, история и обличение ламаизма) и практикантов калмыцкого, монгольского и бурятского языков — Л. Нормаева (1901–1904 гг.), М. Нефедьева (с 1904 г.), А. Межуева (1911–1919 гг.) и И. Шаракшинова (1914–1919 гг.).

Особо выделяются источники, свидетельствующие о периоде учебы в Санкт-Петербургской духовной академии В. В. Миротворцева и посещении им занятий монголоведов А. В. Попова и К. Ф. Голстунского на восточном факультете Санкт-Петербургского университета; об окончании университетского курса В. В. Миротворцевым и экзамена «по предметам монголо-калмыцкого разряда восточного факультета, по монгольскому языку, истории монголов, калмыцкому языку, истории калмыков, татаро-джагатайскому наречию, практическим занятиям в означенных языках» и утверждению в 1869 г. советом Санкт-Петербургского университета в степени кандидата монголо-калмыцкой словесности. Об источниковых материалах 1884–1891 гг., когда он возглавлял в Казанской духовной академии кафедру истории и обличения ламаизма, монгольского языка с бурятским наречием.

Особое место занимают сведения, связанные с деятельностью известного венгерского востоковеда и монголоведа Г. Балинта (Gabor Balint de Szentkatolna, 1844–1913). В частности, его прибытие в 1871 г. в Казань и дальнейшие полевые исследования

среди калмыков в Нижнем Поволжье, свидетельствующие об академическом и просветительском интересе его к письменному и устному наследию тюркских и монгольских народов, поиску историко-культурных связей венгров с другими народами Евразии, изучению места их происхождения и сходства с другими языками.

На современном этапе научный интерес представляют рукописное наследие Габора Балинта, посвященное истории и культуре калмыков, а также его неопубликованные письма Н. И. Ильминскому, написанные на русском языке и имеющие небольшие фрагменты на татарском языке, что свидетельствует о хорошем уровне владения венгерским ученым письменным и разговорным русским и татарским языками. До последнего времени не были опубликованы письма исследователя, хранящиеся в Государственном архиве Республики Татарстан (Ф. 968. Оп. 1. Д. 93). Три эпистолярная Г. Балинта, посланные Н. И. Ильминскому, относятся к 1872–1874 гг., и связаны с его путешествиями по Российской империи (три этапа: Казань — Астрахань — Санкт-Петербург) и Халха-Монголии (Урга), а также с его возвращением в Будапешт. Его рукописные письма уточняют многие детали его научной биографии и путешествия в Россию и Монголию, а также являются бесценными автографами выдающегося венгерского ученого и мыслителя Г. Балинта. Во многом эти письма ярко показывают научные и культурные связи России, Монголии и Венгрии.

В завершении доклада презентация материалов, относящихся к 1912–1914 гг., когда в Монголии в научной командировке находился исполняющий должность доцента академии иеромонах Амфилохий (Скворцов А. Я., 1885–1937) с целью изучения монгольского и тибетского языков, а также классического и монгольского буддизма.

Д. Н.-Д. Васильева

«Ревизские сказки Циркумбайкальского региона в тексте Цыбена Жамцарано «Buriyad-un aqui orusil» («Введение в быт бурят»)

Ревизские сказки — это особые документы поименного учета населения Российской империи, с которого взимались налоги посредством ревизий, в период от начала XVIII до середины XIX в. Ревизии стали результатом реформы налогообложения по указу Петра I в 1718 г. Известно, что в Российской империи было проведено 10 ревизий с 1718 по 1858 г.: 1-я ревизия — 1718–1727 гг. (женский пол не учитывался); 2-я ревизия — 1743–1747 гг. (женский пол не учитывался); 3-я ревизия — 1761–1767 гг.; 4-я ревизия — 1781–1782 гг.; 5-я ревизия — 1794–1795 гг.; 6-я ревизия — 1811 г. (женский пол не учтен); 7-я ревизия — 1815 г.; 8-я ревизия — 1833 г.; 9-я ревизия — 1850 г.; 10-я ревизия — 1857–1858 гг.

Как пишет А. Андреев, к 3-й ревизии вводится таблица, и с 1815 г. структура ревизской сказки обретает окончательный вид. В форме содержалась следующая информация: дата подачи сказки, место проведения переписи населения вплоть до указания села или деревни. Также указывались номер семьи, ее состав до и во время проводимой ревизии, возраст каждого конкретного человека и др. В заключительной части ревизской сказки подсчитывались итоговые цифры и ставилась подпись того, кто был ответственен за перепись в административной единице.

В Циркумбайкальский регион входит территория вокруг Байкала (Бурятия, Иркутская область и западная часть Забайкальского края). В тексте выдающегося

востоковеда, общественного и политического деятеля Цыбена Жамцарано (1881–1942) на монгольском письме (типография «Наран» г. Санкт-Петербург, год издания не указан, нумерация с 1 по 21 страницы) кроме описания жизни и быта коренного населения настоящего региона приводятся и данные проведенных ревизий. В изучаемом тексте «Buriyad-un aqui ogusil» не представлены официальные формуляры ревизий; для нас текст и его содержание интересны с точки зрения авторской подачи проработанного ученым документального материала. В начале текста автор повествует о местах проживания бурят и хамниган вокруг Байкала, владении их землями на территории Иркутской губернии, дает великое множество топонимов, гидронимов, оронимов и этнонимов данного региона, описывает природу, ссылается на документальные источники при подаче подушевых записей. Жамцарано приводит данные из источников по мужскому населению: «Бус тэрэлтний эрийн тоогоор хуваавал...» («Если разделить на количество мужских душ других народностей...») [Жамцарано, с. 5].

Помимо бурятских и хамниганских земельных владений в Иркутской области (в очерке используется написание, заимствованное из русского языка, «область», к концу текста встречается общепринятое для источников того времени слово «губерния»), даются сведения о землях под ведением хоринских и кударинских бурят, цонгольской, армакской, закаменской управ и агинских бурят. По Переписи населения 1897 г., отмечает автор, в Иркутской области российских граждан мужского и женского пола 362 623 человека: буряты — 170 879 душ, хамниганы — 24 594, евреев и татар — 2 476 душ.

Кроме того, в своем очерке Жамцарано дает информацию о вероисповедании бурят и хамниган: 161 528 буддистов и 3 539 православных. Отмечает, что просвещение и образование считалось важным этапом в их жизни, но женское население в основном было неграмотным: «Мянган эхнэрээс таван хүн бичиг гаргаж чадах байв» («Из 1000 женщин 5 человек могли писать») [с. 20]. Далее автор настаивает на принятии государственного закона о всеобщем образовании населения и равных правах в его получении среди мужчин и женщин.

Далее повествуется о других бурятских родах, проживающих в западной части о. Байкал (хонгодоры и шошолог) и берегах р. Ангары (аларские и унгинские буряты), количестве буддийских храмов (дацанов), их приходе и т. д. Ведется подробный рассказ об их образе жизни, быте, описывается ландшафт и природа тех мест, т. е. мы видим не ревизскую сказку в классическом ее виде, а углубленный и расширенный взгляд на быт и настоящее положение своего народа.

Как известно, весь жизненный путь Ц. Жамцарано, начиная с детских лет и до конца жизни, был посвящен идее возрождения и просвещения сообщества монгольских народов. Представленный очерк содержит обширный материал по различным областям науки и пронизан идеями Жамцарано, а именно: 1) способствовать национальному возрождению бурят; 2) способствовать просвещению бурят; 3) национализировать школу; 4) добиться национального самоуправления и автономий.

Литература:

Андреев А. Где искать ревизские сказки по переписи населения / А. Андреев, М. Андреев. Ревизские сказки [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.livemem.ru> (дата обращения: 30.01.2021).

Жамсаранова Р. Г. Тунгусы князя Гантимура / монография: в 2 ч. — Чита: Изд-во Забайкальского госуниверситета, 2018.

Жамцарано Ц. «Buriyad-un aqui orusil» («Введение в быт бурят»). — Санкт-Петербург: Изд-во «Наран». — 21 с.

Л. Ганбат

Ибн Арабшах-ийн “Asâibu’l makdûr” зохиолд нүүдэлчдийн байлдах арга, бодлогын тухайд өгүүлсэн нь

Ибн Арабшах-ийн бичсэн “Asâibu’l makdûr” зохиол бол Эмир Тэмэр хийгээд Цагадайн монголчуудын талаар сонирхолтой мэдээ агуулсан сурвалж болно. Тус сурвалжид гарах мэдээ баримтууд нь Монголын эзэнт гүрний нөлөө, ул мөр Дундад Азид хэр хэмжээнд байсныг тодорхой харуулдагаараа ач холбогдолтой.

Мөн цэрэг, дайны холбогдолтой зүйлүүд цээнгүй байдаг нь нүүдэлчдийн цэргийн урлагийн түүхийг судлахад чухал нэгэн сурвалж болдог юм.

Тус илтгэлд уг сурвалжид гарч буй түрэг-монголчуудын байлдах арга бодлогын тухай мэдээ зангийг сурвалжлан судалж үзэв.

Г. А. Гребенщикова

Историко-этнические особенности десяти хошунов монгольских князей в донесении военного комиссара полковника Квецинского Командующему войсками Квантунской области. Июль 1902 года. Из фондов РГАВМФ

В докладе впервые приводятся сведения, обнаруженные в Российском государственном архиве военно-морского флота (Санкт-Петербург, ул. Миллионная, д. 36), касающиеся административного устройства и этнических особенностей уделов южно-монгольских князей, расположенных в современной Внутренней Монголии. Сведения имеют важное значение, поскольку места, о которых идет речь в докладе, были по политическим причинам того времени труднодоступными для путешествий, изучения и торговли.

В докладе будут освещены следующие вопросы:

– Территориальное расположение хошунов монгольских князей в порядке их старшинства.

– Описание хошунов и управления ими:

Хошун Туситу,
Хошун Тархан
Хошун Поуан
Хошун Чжасахету
Хошун Бинту
Хошун Дзей-лейт
Хошун Дурбут
Хошун Сыгун
Хошун Омынгорл
Хошун Хэтокорлос.

- Внешние знаки отличий монгольских князей в историко-культурном и художественно-этническом аспектах.
- Хошуны, лояльные князю Удаю, и их значение в общей системе десяти хошунов. Политика князя Удаю в этих хошунах и его отношения с властями Пекина.
- Внутренняя борьба внутри монгольских хошунов и обращение князей за помощью к российским военачальникам.
- Планы Китая и России в отношении монголов в целом и князя Удаю в частности.

Л. С. Дампилова

Архивные материалы одной экспедиции

В рамках проектов РФФИ-МОКН Монголии в архиве Института языка и литературы Монгольской академии наук изучены фольклорные материалы, записанные во время экспедиций в разные годы. В данной статье рассматриваются материалы экспедиции 1967 года известных монгольских ученых-филологов Д. Цэрэнсоднома, Х. Лувсанбалдана и Д. Цэнда в Булганский, Селенгинский аймаки Монголии. Значимым представляется взгляд со стороны на экспедицию пятидесятилетней давности для выявления разнообразия фольклорных жанров и состава информантов.

Фольклорные материалы экспедиции отличаются богатством и разнообразием традиционных монгольских жанров: сказки, песни, загадки, благопожелания, восхваления, несказочная проза, шаманский и буддийский обрядовый фольклор. Отдельно можно выделить фольклор нового времени, состоящий из песен революционного периода «Восхваление жанжи барона» (*Барон жанжны өргөмжлөл дуу*), «Песня белой армии» (*Цагаан цэргийн дуу*), «Песня про Чойбалсана» (*Чойбалсангийн тухай дуу*), восхвалений колхозных объединений («*Ленинэй зам*» *нэгдэлийн ерөөл*) и т. д.

Выделяется богатый песенный жанр: протяжные, обрядовые, ёхорные, свадебные, лирические, исторические, шуточные. Такие исторические песни как «Городища ближней долины» (*Энүүхэн хөндийн балгад*) с уточнением, что эту песню пел бродячий лама (*бадарч*), прибывший из Тибета, являются уникальным материалом для исследователей не только фольклора. Как отдельный востребованный жанр в монгольской традиционной культуре отмечается жанр *намтаров*: «Биография сказителя Дамдина» (*Улгэрчи Дамдины намтар*). Ценность в фольклорном плане представляет разнообразие одного жанра, складывается впечатление, что в этой экспедиции собрано все, что касается фольклорных жанров о конях. Многочисленные гимны и песни коню, сказки о человеке и его коне, легенды о знаменитом коне и борце. Богатый материал одной этой экспедиции является бесценным источником для фольклорных, лингвистических, этнографических и исторических междисциплинарных и сравнительных исследований духовной культуры монгольских народов. Не менее значителен как срез определенного исторического периода в ретроспективе и настоящем времени.

Д. В. Дашибалова

О двух сочинениях Ринчена Номтоева в жанре «тайлбури»

Среди комментаторской литературы, имевшей широкое хождение в средневековой монгольской литературе, следует выделить два сочинения бурятского автора Ринчена Номтоева (1821-1907).

Комментарий Суматиратны (один из псевдонимов Ринчена Номтоева) «Драгоценный прекрасный кувшин, наполненный соком рашияна» (полное название на монгольском языке «Yosun-u šastir arad-I tejigeküi dusul-un tayilburi rašīyan-u šim-e-ber dügüreng erdeni-yin sayin qumq-a neretü orušbai») ³ является самым полным из всех известных в настоящее время тибетских и монгольских комментариев к «Капле, питающей людей» Нагарджуны. К 90 четверостишиям Нагарджуны Р. Номтоев приводит 39 иллюстрирующих примеров, тогда как использованный им в качестве источника самый ранний анонимный тибетский комментарий «Поэзия дхармы» содержит 24 примера, а второй его источник - комментарий к «Капле, питающей людей» Чахар-гэбши Лубсанцултима приводит 37 примеров. В Рукописном отделе ИВР РАН и Центре восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН имеется также гарчак к этому сочинению Суматиратны, представляющий собой глоссарий терминов, использованных в комментарии.

Второе произведение Р. Номтоева в жанре «тайлбури» - это комментарий к «Субхашите» Сакья-пандиты Гунга Чжалцана, названный им «Ключ чинтамани от двери кладовой», комментарий к «Сокровищнице благих речений Субхашите» (монг. «Sayin nomlal-tu erdeni-yin sang Subhašita-yin tayilburi sang-un egüden-i negegči čintamani-yin tülkigür») ⁴ .. Как и в первом случае, автор образцом для подражания берет комментарий, составленный Чахар-гэбши на монгольском языке (датируется 1778-1779 гг.), и на что он указывает совершенно прямо, так как название его произведения является парафразом названия комментария его предшественника.

Устойчивым элементом и в том, и в другом комментариях является архитектура, или внешняя композиция, которая обусловлена структурой комментируемого текста: четверостишия «Капли, питающей людей» и «Субхашиты», авторское повествование (сказочный сюжет, притча, примеры), заключительное резюме. Авторское повествование, переработка текста определялась индивидуальным подходом к особенностям национальной (бурятской) лексики и стилистики, системе привычных образов и т.д. Таким образом, переработка Р. Номтоевым канонических текстов в виде комментариев делали его произведения доступными, понятными и увлекательными для простых людей.

Ю. И. Дробышев

Тибетская политика монголов (1205–1235 гг.)

Хронологические рамки данной работы охватывают начальный период формирования Монгольской империи, когда монгольские степи уже были объединены под властью Тэмучжина, удостоившегося в 1206 г. звания Чингис-хан (1162?–1227). Годом ранее его отряды впервые вторглись в тангутское государство Си Ся, что ознаменовало начало эпохи военных походов на соседние оседлые государства. Этим и объясняется нижняя временная граница нашего исследования. Верхняя граница датирует великий курултай 1235 г., на котором было принято решение покорить ряд известных

³ Сазыкин А.Г. Каталог монгольских рукописей ксилографов Института востоковедения АН СССР. Т. I. С.62-63. М.: Изд-во «Наука», 1988.

⁴ Там же, С. 67–68; Annotated Catalogue of the collection of Mongolian Manuscripts and Xylographs M II of the Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan studies of SB of RAS. P. 119–124. Sendai City, Japan, Center for Northeast Asian Studies, Tohoku University, 2006.

монголам стран, что обычно трактуется как их намерение захватить «весь мир». Империю в те годы возглавлял сын Чингис-хана Угэдэй (1229–1241). Ход реализации монгольских завоевательных планов изучен вполне основательно, хотя некоторые «белые пятна» сохраняются до сих пор. Значительно больше неясностей осталось от эпохи Чингис-хана. Одна из них, по нашему мнению, принципиальна: чего на самом деле хотел великий завоеватель? Действительно ли он мечтал о мировом господстве и завещал ли своим потомкам довершить начатые им завоевания? Обладал ли он, как говорится сейчас, «проектным мышлением»? Анализ монголо-тибетских отношений проливает на эти вопросы дополнительный свет.

Самое ранее сообщение о контактах Чингис-хана с тибетцами приводит настоятель монастыря Гунгтанг и глава Цал Кагью Кунга Дорже (1309–1364) в сочинении «Дэбтэр марпо»: «Цанг-па Дункур-па Вангчук Таши... ученик Шанг [Римпоче], в то время был приглашен... в Миньяк (Си Ся — Ю. Д.) для распространения учения Цал Кагью. После покорения государства Миньяк Чингисханом, он... дал учение Чингисхану и был направлен им в Сог (Монголию — Ю. Д.) для проповеди доктрины Цал Кагью». Эту версию развивает тибетский автор Паво Цуглак Тренгва (1504–1566) и другие историки. Более поздняя тибетская литература допускает существенные искажения этих сведений, причем исторические события, достоверность которых и сама по себе далеко не бесспорна, превращаются в очевидную церковную легенду. Теперь встреча Чингиса и тибетских лам происходит на тибетской земле, в ходе вторжения туда монгольских войск. Это не подтверждается надежными китайскими и персидскими источниками. В результате развития тибетской историографии до нас дошли две версии начала контактов монголов, включая Чингис-хана, с духовенством Тибета: 1) оно было положено Цанпа Дункурпа, еще в государстве тангутов, 2) инициатива принадлежала Чингис-хану, вторгшемуся в Тибет.

Первый вариант не вызывает особых возражений. Растущая Монгольская империя не могла не привлечь внимание буддийских проповедников, которые проникали в ее центр, скорее всего, из Си Ся, подвергавшегося периодическим набегам монголов. Кроме выходцев из Тибета, в том числе занимавших пост императорских наставников, в стране тангутов проживало много коренных тибетцев. Об этом говорят, например, большие тиражи буддийских сутр, печатавшихся там на тибетском языке. Может быть, кто-то из учителей по своей воле отправлялся оттуда в степи, а кого-то могли принудить к этому захватчики. Так или иначе, нас не должно удивлять появление тибетских лам еще при жизни Чингис-хана при хаганском дворе или ставках его сподвижников. Иное следует сказать по поводу вероятности второго варианта развития событий.

Одним из аргументов, который иногда выдвигается в пользу якобы замышлявшейся Чингис-ханом карательной экспедиции в Тибет, может служить сообщение о злоклучениях его личного врага — сына Ван-хана Нилха-Сангума, бежавшего от расправы в Си Ся, а оттуда в Тибет. Однако вражда, которую Сангум затеял в Тибете, делает эту страну союзником, а не противником монголов! Второй аргумент — цитата из биографии чжурчжэньского перебежчика Гуо Баою в «Юань ши», где содержится рассказ о его беседе с Чингис-ханом, когда последний намеревался атаковать Сифань, под которым мог подразумеваться весь Тибет. Однако было бы логичней думать, что Чингиса больше заботило тибето-цзиньское пограничье, через которое он мог планировать удар по чжурчжэням. Если верить китайскому источнику, перед смертью

Чингис-хан завещал завершить разгром империи Цзинь. О наказе начать войну с Тибетом не говорит ни один известный нам источник.

Следующий этап монголо-тибетских отношений приходится на эпоху правления хагана Угэдэя, когда «монгольский империализм» обрел ясные идеологические очертания и начал последовательно и системно определять монгольскую внешнюю политику. Ала ад-Дин Джувейни сообщает об отправке Угэдэем войск в Тибет вскоре после своей интронизации, но что конкретно понималось под Тибетом, неясно. Китайские источники эту информацию не подтверждают. Движение монгольских войск через Тибет зафиксировал Рашид ад-Дин, и вновь мы наблюдаем военную активность монголов лишь на границах Тибета, куда они попали в результате операции против империи Цзинь. В 1234 г. ее разгром был завершен. Следующей целью была Южная Сун. Несмотря на то, что в известных нам решениях курултая 1235 г. завоевание всего Тибета не значится, монгольские войска разграбили некоторые тибетские земли во время обхода Южной Сун с запада. Покорять ради этого весь Тибет явно не было нужды. В первой половине XIII в. он не был единым государством. Похоже, что и монголы не воспринимали его как нечто целое. Их операции в Амдо или юго-восточном Кхаме близ границы Цзинь и Южной Сун не затрагивали религиозные и политические центры Уя и Цзана и не были войнами собственно с Тибетом. Таким образом, действия монгольских войск на тибетских окраинах определялись тактическими задачами, а не имперской идеологией. Отсюда следует, что в период 1205–1235 гг. Тибет не был целью монгольских хаганов, однако, уже в 1240 г., посылая свои отряды в Тибет, внук Чингис-хана Годан (1206–1253?) действовал в русле имперской политики.

Ю. И. Елихина

Находки Монголо-тибетской экспедиции П. К. Козлова из Олон-сумэ (Южный Хангай) в коллекции Государственного Эрмитажа

В коллекции Государственного Эрмитажа хранятся находки из южного Хангая, привезенные Монголо-тибетской экспедицией (1923–1926 гг.) под руководством П. К. Козлова (1863–1935). Всего насчитывается 365 артефактов.

Завершив раскопки курганов Ноин-Улы (1924–1925 гг.), часть сотрудников экспедиции во главе с П. К. Козловым направились в южный Хангай, в урочище Олон-сумэ, где по совету С. Ф. Ольденбурга изучали развалины буддийского монастыря. Кроме этого, П. К. Козлов вел археологическую разведку, занимался маршрутной съемкой, пополнял ботаническую и зоологическую коллекции.

В развалинах монастыря Сарьдагийн хийд было найдено много архитектурных украшений, в первую очередь черепицы и строительных материалов. Диски черепицы, найденные в монастыре Сарьдаг, имеют штампованный узор с изображением диаграммы Калачакры.

Некоторые предметы происходят из местности Онгийн-гол, где осенью в 1925 г. и весной 1926 г. побывала Монголо-тибетская экспедиция П. К. Козлова. По дороге ее участники посетили много небольших буддийских монастырей, храмов и субурганов, собирали подъемный материал.

Среди находок имеются глиняные образки, цаца, с изображением Цзонхавы и Калачакры, миниатюрные буддийские ступы. В коллекции имеется каменная печать, вероятно, принадлежавшая какому-нибудь ламе, с тибетской надписью.

Еще часть артефактов были обнаружены, вероятно, на поверхности. Они относятся к разным историческим периодам, начиная со времени хунну, например, бронзовые ложечковидная пряжка с изображением головы дзерена и колокольчик. Представлены также бронзовые наконечники стрел и пластины доспехов.

Дневники экспедиции П. К. Козлова были опубликованы Т. И. Юсуповой и А. И. Андреевым, но сами находки не были опубликованы и введены в научный оборот.

Ю. Ж. Жабон

Сочинения Халха Дамцик Дордже (1781–1855) из медицинской коллекции тибетского фонда ЦВРК ИМБТ СО РАН

Жизнь и творчество Халха Дамцик Дордже — известного монгольского деятеля, оставившего огромный след в истории буддизма, недостаточно хорошо изучена за пределами Тибета и Монголии. Ему принадлежит видная роль в развитии тибетского буддизма, особенно школы *гелук*, которой начиная с XVI в. традиционно придерживались монголы. Вместе с тем фигура Халха Дамцик Дордже занимает одно из видных мест среди буддийских учителей традиции *риме (ris med)*, которым чужда идея «сектантской» нетерпимости, ограничения религиозной деятельности рамками какой-либо одной тибетской школы.

Халха Дамцик Дордже является автором многих трудов, общее число которых составляет более 500 сочинений. Главным образом в них разрабатываются различные религиозно-философские аспекты, принятые в *гелук*, их концепции и подходы к разного рода тантрийским ритуальным практикам. Важное место в трудах Халха Дамцик Дордже занимают тексты, разъясняющие монастырский устав, нормы и правила литургии. Кроме того, приспособив тибетский буддизм к монгольским условиям и обычаям, Халха Дамцик Дордже написал обрядники почитания локальных божеств, посвященные культу *обо*. Он не ограничился одной только религиозной тематикой, но написал также и медицинские, исторические, биографические сочинения. Все эти работы, написанные им на тибетском языке и объединенные в 21 том, свидетельствуют о высочайшем уровне его знаний и разносторонности.

Однако многое из обширного письменного наследия Халха Дамцик Дордже остается до сих пор почти не известным. Особенно показательны в этом смысле его работы из цикла медицинских учений «Юток-ньинтик» (*gYu thog snying thig*), или «сердечной сущности учения Юток», традиционно практикуемых в тибетской школе *ньингма*. Надо сказать, что в тибетской традиции эта серия учений располагает большим набором произведений неоднородного содержания, составленных различными авторами в разные периоды времени, и включает в себя особую систему медитаций, молитв и йогических практик, специально разработанных для практикующего врача и содержащих полную практику тантры. Однако в основе этих коллекций всегда есть определенная группа текстов, которая формирует так называемый «коренной текст»

«Юток-ньинтика». Согласно традиции, эти тексты записаны Сумтон Еше Сунг (XII в., Sum ston ye shes gzungs) со слов самого Ютокпа Йонтен Гонпо (1126–1202, gYu thog gsar ma yon tan mgon po) — предполагаемого автора «Чжуд-ши» и собственно учений «Юток-ньинтик».

В европейской науке практически нет сведений о работах монгольских авторов по «Юток-ньинтик». Поэтому чрезвычайный интерес для исследователей представляют три сочинения Халха Дамцик Дордже по «Юток-ньинтик», имеющиеся в медицинской коллекции тибетского фонда ЦВРК ИМБТ СО РАН. Все эти работы представлены в коллекции в единственном экземпляре и являются переписанными от руки копиями неустановленных ксилографических изданий, возможно, монгольских.

Одна из работ называется «Дудци-ньинпо» или «Экстракт нектара» — *садхана* «Юток-ньинтика»: собрание семейства» (gYu thog snying thig rigs bsdus kyi sgrub thabs bdud rtsi'i snying po bzuhgs so, ТТМ-139) и содержит всего 2 листа. Этот текст не значится в списке его трудов. Однако анализ текста показал, что «Дудци-ньинпо» представляет собой сокращенную версию *садханы* «Юток-ньинтика» для ежедневной практики «Паксам-джондре» (gYu thog snying thig gi sgrub thabs rgyun khyer drag bsam ljon 'bras), включенной в собрание сочинений Халха Дамцик Дордже. По своему объему «Паксам-джондре» состоит из 4 листов, что вдвое превосходит «Дудци-ньинпо». По всей видимости, Халха Дамцик Дордже составил «Дудци-ньинпо» в виде краткой, упрощенной версии «Паксам-джондре» специально для своих монгольских учеников, которые, возможно, испытывали трудности в овладении сложной визуализации *садханы* «Юток-ньинтик».

Следующее сочинение называется «Чиме-доджо» или «Бессмертная Камадхену» — ритуал устранения демона смерти» (gYu thog snying thig gi tshe dbang 'chi bdag bdud 'joms kyi chog sgrigs 'chi med 'dod 'jo zhes bya ba bzuhgs so, 1a–18a, ТТМ-140). Текст имеет краткое название «Цеванг» (tshe dbang) и занимает 18 листов. «Чиме-доджо» составлен для литургических чтений и содержит порядок реализации *садханы*, выполнения обряда посвящения для проведения *пуджи* долгой жизни по «Юток-ньинтику».

Третьей работой является «Пенде-дронме» или «Светильник счастья и блага, высвечивающий сотни преград» — разъяснение огненной *пуджи* умиротворения по «Юток-ньинтику» (gYu thog snying thig gi zhi ba'i sbyin bsreg gi gsal byed nyes brgya'i mun sel phan bde'i sgron me zhes bya ba bzuhgs so, 1a–8b; 1a4b, ТТМ-143). Сочинение содержит 8 листов и имеет краткое название «Джинсек» (sByin sreg). Текст содержит один из 4-х разновидностей ритуала проведения огненного подношения *джинсек*, а именно умиротворения. Данный обряд призван устранить все препятствия в реализации учений «Юток-ньинтика», в особенности после проведения строгого ретрита — затвора по практике. Так, в колофоне к тексту говорится именно о том, что Халха Дамцик Дордже составил текст «Пенде-дронме» по просьбе *гелонга* Сангье Пелдена, который выполнял ретрит по «Юток-ньинтику».

Все аспекты различных сфер знаний, рассматриваемых в сочинениях Халха Дамцик Дордже, требуют отдельных исследований.

**Уникальная рукопись К. М. Герасимовой о пейзажных мотивах
в буддийской иконописи (музейная коллекция Богдо-гэгэна)**

Основной корпус источников для исследования научного наследия доктора исторических наук, известного российского востоковеда-буддолога Ксении Максимовны Герасимовой составляют материалы, находящиеся в личном фонде рукописного отдела Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Фонд сформирован относительно недавно и уже является объектом интереса и изучения не только буддологов, но и широкого круга специалистов — монголоведов, тибетологов, религиоведов, этнографов. Среди обширного архивного материала хранится и неопубликованная уникальная рукопись монографии «Морфология и концепция пейзажного фона в буддийском искусстве Центральной Азии». Дневники работы К. М. Герасимовой в фондах Музея Богдо-гэгэна — это два альбома зарисовок цветными карандашами и акварелью с краткими пояснениями, большей частью они являются воспроизведением тибетских надписей на танках. Каждый альбом состоит из 24 листов (формат 21 × 29,6), рисунки и записи сделаны на двух сторонах листа. В итоге два альбома содержат 96 страниц рисунков, схем, зарисовок деталей. Эта форма дневников была обусловлена запретом фотографирования экспонатов. Ручная работа, как отмечает автор рукописи, дала возможность ощутить «на кончиках пальцев» художественный стиль буддийских памятников монголов. Объем рукописи это 57 машинописных страниц, рукопись содержит 51 рисунок (30 цветных).

Рукопись монографии К. М. Герасимовой посвящена изучению буддийского искусства Монголии по музейным коллекциям МНР (Улан-Батор, Эрдэни-Цзу, Цэцэрлик). Тема источниковедческого исследования коллекций — пейзажный жанр в буддийском искусстве Тибета и Монголии, появление и развитие которого обусловлено влиянием китайской художественной культуры. Фактологическая база исследования — буддийские коллекции Музея Богдо-гэгэна в Улан-Баторе (в основном), которые дают богатый исторический материал о культурных контактах и взаимовлияниях в странах Центральной и Восточной Азии, о формировании национального своеобразия буддийского искусства в процессе адаптации и переработки разновременных влияний региональных художественных школ.

На материале конкретного тематического источниковедческого анализа коллекций Музея Богдо-гэгэна К. М. Герасимова показала новые черты бытия тибетских и китайских традиций в буддийской культуре Монголии. В Халха-Монголии тибетские, монгольские и китайские иконописцы работали в непосредственном общении. Во многих монгольских монастырях действовали китайские мастерские, существовала практика заказов, профессиональной связи с мастерами Долон-Нора, Хуху-Хото, Утайжана, Пекина. На примере развития пейзажного жанра автором продемонстрировано, как это сообщество отразилось на стилевых особенностях творчества буддийских художников в Монголии, в частности в тибетско-монгольской и китайской сериях, посвященных изображению архатов (найданов) — буддийских миссионеров. Исследуя буддийскую иконографию, К. М. Герасимова анализирует признаки китайских влияний в тибетских произведениях и наоборот. Сочетание китайской эстетики ландшафта и некитайской жесткости пейзажных конструкций «мог создать тибетский художник, работавший в атмосфере

китайской художественной культуры». С другой стороны, в китайской серии архатов китайский художник, работавший по заказу буддистов, изображает «некитайские» горы, тибетский горный ландшафт, который не встречается в китайской пейзажной живописи.

При этом необходимо отметить, что автор рукописи монографии считает, что полноценные научные публикации национального культурного наследия буддийского искусства не могут состояться без разработки серии специализированных конкретных методик источниковедческого анализа музейных коллекций: по составу пантеона, по иконографическим эталонам и культовым комплексам, по колориту, декоративным деталям, по деталям фона и кулис, изображению гор, воды, цветов, деревьев, облаков и т. д. Эти детали имеют важнейшее значение для разносторонней атрибуции памятников.

Таким образом, дневниковые записи К. М. Герасимовой, несомненно, ценны как определенный результат культурологического исследования, как рекомендация практической методики источниковедческого изучения музейных коллекций. В целом рукопись является уникальным источником для исследования истории буддийской иконописи и вместе с тем характеризуют роль ученого в развитии исторической науки.

Н. В. Захарова, И. В. Кульганек

Фотографии о Монголии и монголах в фотоархиве ИВР РАН

Фотографии о Монголии и монголах в архиве Института восточных рукописей РАН представляют большую научную ценность для отечественного востоковедения и мировой науки. Среди них есть уникальные образцы, относящиеся к ранним опытам искусства фотографии, фиксирующие жизнь и быт монголов. История появления этой коллекции связана с процессом формирования интереса России к Монголии, расширением контактов и установлением политического, экономического и культурного взаимодействия русского и монгольского народов, и прежде всего — с развитием монголоведения в России, точнее — в Петербурге.

Коллекции фотодокументов, находящиеся в фотоархиве ИВР РАН, созданы во время реорганизации рукописных и архивных фондов в 50-е гг. XX века. Первые фотоматериалы ИВР РАН о монголах и Монголии связаны с экспедициями в Монголию в конце XIX — начале XX в. Одними из первых, кто в своих отчетах стали использовать фотографии экспедиций по Монголии, были Г. Н. Потанин, А. М. Позднеев, Д. А. Клеменц, П. К. Козлов. В фотоархиве ИВР РАН кроме фотографий этих ученых есть фотоколлекции С. Ф. Ольденбурга, Б. Я. Владимирцова, здесь хранятся также фотографии Н. Н. Поппе, А. В. Бурдукова и фотодокументы дипломатов, путешественников, совершивших одноразовые поездки в Монголию, сторонних лиц, передавших фотографии в ИВР РАН.

На настоящий момент нами выявлено 13 коллекций, в которых имеются фотографии о монголах и Монголии. Это более 500 снимков. Фотографии сделаны в конце XIX — начале XX в. Они достаточно потускневшие от времени. В настоящее время идет работа по подготовке Альбома «Фотографии о Монголии и монголах в собрании ИВР РАН» (десятитомная серия «Монголия и монголы»). При подготовке к изданию требуется дополнительная обработка фотографий: увеличение четкости и контраста, устранение повреждений на лице, фоне, одежде, иногда — тоновая коррекция.

В докладе дается характеристика коллекций: раскрывается их содержание, рассказывается об истории и обстоятельствах создания, приводятся данные о времени появления; уделено также внимание авторам фотографий.

И. М. Захарова, М. В. Мандрик

Экспедиции М. Д. и Н. Д. Бутиных 1870 и 1881–1882 гг. в Китай

В истории политических и экономических связей России, Монголии и Китая чрезвычайно важное место занимают вопросы торговли, которая в XVIII — первой половине XIX вв. осуществлялась преимущественно через Кяхту и Маймачен.

Однако поражение Китая в 1842 г. в Первой опиумной войне с Великобританией негативно отразилось на кяхтинской торговле. В условиях падения прежнего торгового значения Кяхты правительством, военными и экономическими кругами России проводился поиск новых торговых путей и рынков сбыта российских товаров. Во второй половине XIX в., помимо научно-исследовательских экспедиций, в Китай и Монголию было направлено несколько торговых экспедиций, целью которых являлось изучение монгольских и китайских рынков и спроса на товары, а также путей, ведущих из России в Монголию и Китай⁵.

Особое место в контексте исследования новых торговых путей в Китай занимают экспедиции 1870 г. и 1881–1882 гг. братьев Бутиных.

В Рукописном отделе Научного архива Института истории материальной культуры РАН хранится документ под названием «Маршрутные карты и описание пути от границы Нерчинского округа от Кулусутаевского караула до Пекина и Старо-Цурухайтуевского караула до Айгуна экспедиции торгового дома Нерчинских купцов братьев Бутиных 1870 и 1881 года»⁶. Документ сброшюрован, в твердом кожаном переплете с золотой рамкой на обложке и составляет 100 листов, представляющих собою две большеформатные карты всего пути следования экспедиций, рукописные тексты с описанием особенностей маршрута и карты пройденных участков. Пагинация полистная карандашом арабскими цифрами сверху листа. Альбом был передан из библиотеки Государственной академии истории материальной культуры в архив 29 ноября 1955 г., куда он попал из коллекции Императорской археологической комиссии. Рукопись состоит из двух частей. Первая под названием «Маршрутные карты и описание пути от Кулусутаевского караула до Пекина 1870 г.» (лл. 1–27) содержит описание организованной при поддержке генерал-губернатора Восточной Сибири М. С. Корсакова «Торговым домом братьев Бутиных» летом 1870 г. «частной» экспедиции в Китай через восточную Монголию для исследования нового торгового пути между Забайкальской областью и Китаем.

Создатель и фактический руководитель «Торгового дома братьев Бутиных» Нерчинский купец 1-й гильдии Михаил Дмитриевич Бутин, помимо владения золотыми приисками, солеваренными, железодельными и винокурными заводами, являлся известным коллекционером, исследователем, автором научных работ⁷. Понимая важность

⁵ Бойкова Е. В. Российские военные исследователи Монголии (вторая половина XIX — начало XX века). М., 2014. С. 18.

⁶ Научный архив ИИМК РАН. Р. I. Оп. 1. Д. 1254.

⁷ Бутин Михаил Дмитриевич // Барышников М. Н. Деловой мир России: Историко-биографический справочник. СПб., 1998. С. 81.

развития торговли между Россией и Китаем, М. Д. Бутин выделил на организацию экспедиции 10 000 рублей.

Главной целью экспедиции являлось изучение проходимости тележного торгового пути из Нерчинского округа до г. Долон-Нор, и далее до конечного пункта путешествия — крупного китайского порта Тянь-дзин, — сухопутным и водным путями. Попутно члены экспедиции занимались сбором сведений этнографического и экономического характера о монголах, а также исследовали структуру экспорта и импорта в торговых отношениях с монголами, маньчжурами и китайцами. Экспедиция находилась в пути с 26 мая по 15 сентября, пройдя около 1300 верст. Отрезок пути от Кулусутаевского караула, находившегося в 48 верстах от российской границы, до первого китайского города в восточной Монголии Долон-Нора до этого исследован не был. Благодаря деятельности экспедиции удалось установить удобство передвижения по новому торговому пути, который, в случае его использования, мог предоставить значительную выгоду российским купцам в торговле с Монголией и Китаем.

По результатам экспедиции было составлено уже упоминавшееся описание маршрута и топографические карты отдельных отрезков пути, как правило, одно-двухдневных переходов. В 1871 г. М. Д. Бутин опубликовал «Исторический очерк сношений русских с Китаем и описание пути с границы Нерчинского округа в Тянь-Дзин»⁸, в котором, помимо общей карты поместил интересные сведения по истории русско-китайской торговли, о ламаизме и его влиянии на экономику и общественные отношения Монголии, о жизненном укладе и характере монголов. В публикацию, однако, не вошли хорошо масштабированные топографические карты путевых отрезков экспедиции, которые содержат характеристики ландшафта, обозначения культовых объектов, архитектурных сооружений, торговых предприятий. Данные картографические материалы до настоящего времени в научный оборот практически не введены. За великолепно организованную и высоко результативную экспедицию М. Д. Бутин был награжден серебряной медалью Императорского Русского географического общества⁹.

Материалы экспедиции, описывающие новый торговый путь в Китай и открывающие большие экономические возможности, вызвали интерес представителей столичного Общества для содействия русской промышленности и торговле, патронировавшего развитие торговых отношений России с другими государствами¹⁰.

Сам М. Д. Бутин в докладе, прочитанном на заседании Общества в 1872 г., отмечал, что новый путь «замечателен тем, что избегает бесплодных степей и идет по местности удобной для колесного движения»¹¹.

В 1881–1882 гг. М. Д. Бутин организовал вторую торговую экспедицию в Китай. Исследование ее маршрута от Старо-Цурухайтуевского караула до Айгуна содержится во второй части описываемой нами рукописи (лл. 28–100).

⁸ Бутины М. Д и Н. Д. Исторический очерк сношений русских с Китаем и описание пути с границы Нерчинского округа в Тянь-Дзин. Иркутск, 1871. С. 91.

⁹ Бутин Михаил Дмитриевич // Барышников М. Н. Деловой мир России: Историко-биографический справочник. СПб., 1998. С. 81.

¹⁰ Бутины бр. Исторический очерк сношений русских с Китаем и описание пути с границы Нерчинского округа в Тянь-Дзин // Известия Сибирского Отдела Императорского Русского географического общества. Иркутск, 1871. Т. 1. № 4–5. С. 77.

¹¹ Труды Общества для содействия русской промышленности и торговле. СПб., 1873. Ч. 3. С. 189.

Вторая «бутинская» экспедиция изучена гораздо хуже первой. Ее материалы до сих пор не опубликованы. Известно, что она также, как и первая, являлась удачной. Благодаря ее деятельности был исследован скотопригонный путь из южных пределов Забайкальской области к северной Монголии, через северную часть Маньчжурии к г. Благовещенску через Мерген и Хайлар, как центру закупок мяса, для Зейских и всех Приамурских приисков. Она продолжалась с 12 мая 1881 г. по 23 июня 1882 г. Как и в экспедиции 1870 г. отдельные отрезки пути отражались на специально созданных топографических картах, которые также мало введены в научный оборот.

А. В. Зорин, Б. В. Меняев

Об ойратской рукописи из личной коллекции акад. Г. З. Байера

Первый востоковед в составе Санкт-Петербургской академии наук, Готлиб (Теофил) Зигфрид Байер (1694–1738), был одним из первых европейских исследователей монгольского и ойратского языков. Он заинтересовался монгольской письменностью еще в период, предшествовавший его появлению в российской столице. Об этом свидетельствуют его публикации в лейпцигском научном журнале «Acta eruditorum» нач. 1720-х гг. Из них мы узнаем, в частности, что у Байера в Санкт-Петербурге имелся корреспондент — некий Gabriel Mogulensis («монгол Гавриил (Гаврила?)»). Это же имя упоминается на одной из страниц небольшой переплетенной книжки с рукописью на ойратском языке, хранящейся ныне в библиотеке Университета Глазго. Именно там были выявлены предметы из личной библиотеки Байера, незадолго до его смерти отправленные в Кенигсберг. Анализ каталога книг Байера, хранящегося в СПбФАРАН, позволяет осторожно предположить, что данная брошюра значится в нем как книга на монгольском языке, переписанная им в Галле. Рукопись состоит из двух сочинений (гимна Таре и текста по ритуалу воскурения), и дополнительного листа с упомянутой выше пометкой «Manus Gabrielis Mogulensis». В нашем докладе мы рассматриваем историю этой брошюры и характеризуем ее содержание (копии рукописи получены в рамках проекта № AZ 14/V/20, поддержанного Фондом Герды Хенкель).

Ю. В. Кузьмин

Вопросы монгольской историографии в работах Н. П. Шастиной

Грант РФФИ 20-59-44008 Монг_а Мировое и российское монголоведение: национальные школы, концепции, персоналии

Историография российского монголоведения занимает важное место в современном монголоведении. Серьезный вклад в изучение проблемы внесли М. И. Гольман, В. В. Грайворонский, Д. Б. Улымжиев, Ш. Б. Чимитдоржиев, В. Э. Раднаев, А. Н. Хохлов, С. Г. Кляшторный, Г. Ф. Шамов, В. Д. Дугаров, Ц. П. Ванчикова, А. Д. Цендина, И. В. Кульганек, Н. П. Шастина, О. Н. Полянская. Особое место в исследовании вопросов истории русского монголоведения в 1960–1980-е годы занимают труды Нины Павловны Шастиной (1898–1980 гг.) — крупного советского монголоведа, автора более 80 научных работ, значительное число которых посвящено истории монголоведения XIX века. Творческие биографии и научное наследие ведущих российских монгологов: Н. Я. Бичурина, Д. Банзарова, В. П. Васильева, А. М. Позднеева, Б. Я. Владимирцова нашли свое отражение в статьях Н. П. Шастиной.

За исключением небольших юбилейных и энциклопедических статей К. Н. Яцковской, Ю. В. Кузьмина и С. Д. Милибанд, творческая биография Н. П. Шастиной не была до сегодняшнего дня тщательно исследована. Известно, что она планировала подготовить докторскую диссертацию по истории российского монголоведения и ее опубликованные статьи на эту тему свидетельствуют о последовательном и систематическом изучении данной проблемы. Публикации Н. П. Шастиной носят оригинальный характер, содержат интересные характеристики известных российских монголоведов, которые не утратили своего научного значения и в настоящее время, особенно оценки взаимоотношения русской и немецкой школ в монголоведении, спорных проблем начального этапа русского монголоведения.

Н. П. Шастина родилась в Иркутске в 1898 году в семье врача Павла Николаевича Шастина, который 14 лет успешно проработал в Монголии и создавал современную медицинскую систему в стране. Она окончила с отличием в 1923 г. Иркутский государственный университет, в 1924 г. приехала к отцу в Монголию, где впоследствии стала работать в библиотеке Комитета наук Монголии, изучила монгольский и тибетский языки, прошла своеобразную монголоведную школу, тесно общаясь с известными учеными: Ц. Ж. Жамцарано, Э. Р. Ринчино, П. К. Козловым, Н. К. Рерихом, Ю. Н. Рерихом, В. И. Лисовским, А. Д. Симуковым, С. А. Кондратьевым. С 1937 по 1942 гг. Н. П. Шастина работает в Ленинграде в Библиотеке Академии наук и библиотеке Института этнографии АН СССР и продолжает заниматься монголоведными исследованиями. В 1950 г. защитила кандидатскую диссертацию «Первые сношения монгольского государства с Алтын ханами Западной Монголии», затем плодотворно работает в Институте Востоковедения АН СССР до 1978 г.

Круг научных интересов Н. П. Шастиной был довольно устойчивым на протяжении ее творческой биографии: история буддийской церкви, русско-монгольские отношения в период их становления, история монгольского летописания, история русского монголоведения. Проблемы монгольского источниковедения и историографии занимают самое важное и центральное место в исследованиях Н. П. Шастиной. Интерес к монгольской книге, древним монгольским рукописным текстам, их текстологическим исследованиям длительное время привлекали внимание и требовали настойчивости, трудолюбия и высокого профессионализма. Были основательно исследованы три монгольских источника, два из них опубликованы. Н. П. Шастина внесла значительный вклад в изучение и публикацию крупнейших памятников монгольской историографии — летописей и монгольских хроник: «Шара туджи» (1957 г.), «Алтан тобчи» Лубсан Данзана (1973 г.), публикует монографию «Русско-монгольские посольские отношения в XVII веке» (1958 г.).

Она принимала участие в подготовке крупных коллективных работ: однотомника «История МНР», шести выпусков «Очерков по истории русского востоковедения» (1953–1963 гг.), переиздании «Истории монголов» и «Путешествий в восточные страны» Плано Карпини и В. Рубрука (1957 г.). Н. П. Шастина являлась крупнейшим историографом монгольской истории, ее перу принадлежит очерк «История изучения МНР» (1952 г.), статья «Изучение истории Монголии после Октября» (1967 г.), «Изучение монгольских летописей в СССР» (1963 г.), статьи об известных российских востоковедах: И. К. Рассохине, Н. Я. Бичурине, Д. Банзарове, О. М. Ковалевском, В. П. Васильеве, А. М. Позднееве, Б. Я. Владимирцове, Г. Д. Санжееве.

Таким образом, монгольская историография и источниковедение — важная часть творческого наследия Н. П. Шастиной. Историографические работы отличает самостоятельный взгляд на историю российского монголоведения, основательное знание истории науки России, творческих биографий крупных монголоведов. Она высоко оценивает научный вклад в монголоведение российских монголоведов Н. Я. Бичурина, А. В. Игумнова, Д. Банзарова, считает завышенными оценки немецких монголоведов, состоящих на русской службе. Можно только сожалеть, что отдельные историографические очерки Н. П. Шастиной не завершились обобщающей работой по данной теме.

Специального изучения, по нашему мнению, заслуживает изучение рукописного наследия Н. П. Шастиной в Институте восточных рукописей РАН, которое позволит составить более полное представление о монголоведных историографических исследованиях в России. Первые шаги уже сделаны в современном монголоведении (К. Н. Яцковская, Д. В. Дашибалова, Т. С. Сабрукова).

Б. Л. Митруев

Монгольское гадание на монетах

Гадание на монетах представляет собой религиозную практику верующих буддистов, предназначенную для облегчения принятия решения в ситуациях с неоднозначным исходом. Этот тип занимает свое место среди других традиционных способов гадания в современной Монголии. Мы рассмотрим один безымянный монгольский текст об одном способе гадания, представляющий собой перевод с китайского языка.

В Китае распространены различные виды гаданий, основанные на использовании разного количества монет. Данный тип гадания совершается посредством пяти монет, различные комбинации которых являются объектом интерпретации.

Интересен факт посвящения этого гадания Авалокитешваре. Среди китайских гаданий есть несколько гаданий, обращенных к Авалокитешваре, что делает этого бодхисаттву сострадания популярным объектом прогностических предсказаний верующих буддистов.

Э. Мөнхцэцэг

Монголын Үндэсний номын санд хадгалагдаж байгаа монгол-манж толь бичгийн нэгэн дурсгал

Монгол улс ямар ч цаг үед тэрийн бодлогодоо эх хэл, бичиг үсгийн тухай асуудлыг багтаан тусгаж, хэлний зүй зохистой хэрэглээ, хэм хэмжээ хийгээд нийтийн эх хэлний боловсролыг алдагдуулахгүй байх талаас онцгойлон анхаарсаар ирсэн билээ. Үүний тод илрэл нь харилцан адилгүй цаг үед, манай бичгийн мэргэдийн найруулсан нэг хэлний, олон хэлний, зүйл зүйлийн орчуулгын хийгээд тайлбар толь бичгүүд юм. Бидэнд уламжлагдан ирсэн цөөнгүй тооны толь бичиг Монголын Үндэсний номын сангийн «Монгол судлал, гар бичмэл ном»-ын хэмрэгт хадгалагдаж байна. Энд давхардсан тоогоор 1000 гаруй толь байгаагийн дотор «Дусал бинтгүй үсгийн бичиг» (1774), «Хааны бичсэн манж үгний толь бичиг» (1708), «Хааны бичсэн манж-монгол үгний толь бичиг»

(1717), «Хааны бичсэн нэмж тогтоосон манж үгний толь бичиг» (1780), «Мэргэд гарахын орон нэрт тогтсон даг-йиг» (1742 он) болоод «Нэрийн далай» толь бичиг, «Гучин зургаат тайлбар толь», «Монголын чухал үгсийн тайлбар толь» (1935 он) зэрэг ховор, чухал ач холбогдолтой олон толь бий.

Тус илтгэлд эрдэм шинжилгээний эргэлтэд ороогүй нэгэн монгол-манж толь бичгийн талаар өгүүлэх болно. Энэ толь нь «Монгол судлал, гар бичмэл ном»-ын хэмрэгт 13806/97 гэсэн шифртэйгээр хадгалагдаж байна. Нийт 1 дэвтэр 93 хуудас. Толийн хэмжээ 27 × 13 см. Толийг бүтээсэн байдлыг үзвэл бор энгийн муутуу цаасыг цагаан энгийн мяндсан утсаар үдэж товхин, хар бэхээр бийрээр үйлджээ. Нэг хуудсанд 6 мөрөөр бичсэн. Хуудсууд дээр шугам татаагүй. Хуудсын дугаарыг хуудас бүрийн «а» талд буюу толийг товхиж үдсэн хэсгийн голд эхлээд манжаар (үгээр) тэмдэглэж, доор нь хятад тоогоор бичжээ. Толийг үйлдсэн хүний нэр, хэзээ зохиож бичсэн зэрэг тодорхойгүй. Түүнчлэн энэ тольд оршил, гарчиг байхгүй, тодруулбал толийн хавтас, дотор тэргүүн нүүр болон хуудсын захад толийн нэрийг тэмдэглээгүй байна. Тольд үгсийг байрлуулахдаа зүйл хуваалгүйгээр, монгол цагаан толгойн үсгийн дарааллыг баримталжээ. Өөрөөр хэлбэл, толийн дотор тэргүүн нүүрээс эхлээд сүүлийн нүүр хуудас дуустал зөвхөн «а» толгойтой үгсийг жагсаан оруулсан байна. Эдгээр үгээ нэг босоо мөрт монгол, манж гэсэн дарааллаар байрлуулсан бөгөөд нэг нүүр хуудсанд байрлах үгсийн тоо нь 2-8 хооронд хэлбэлзэнэ. Тус тольд нийт 1000 гаруй толгой үг багтсан бөгөөд эдгээрт жинхэнэ нэр, үйл үг, тэмдэг нэр, холбоо үг, ижил нэр, ойролцоо нэр оржээ.

Б. Нацагдорж

Манж, Хятад хэлээр зохиогдсон хүрээний хэргийн зүй 庫倫事宜 (kùlún shìyì) зохиолын тухай

Манж Чин улсын харьяан дахь Халх Монголын бурханы шашны томоохон тэвлээлэгч Жавзандамба хутагтын оршин суух Их Хүрээ нь XVIII зууны дунд үеэс эхлэн тэвлэрэн суурьшиж, Манж Чин улс болон Оросын харилцааны зам дайран өнгөрсөн зангилгааны газар болсон тэдийгүй Манж Чин улсын харьяаны Халх Монголын зүүн хэсгийн засаг захиргааны тэв болжээ. 1727 оноос хойш Халхын Түшээт ханы язгууртнууд хил хязгаар, харуул цэргийг захирах, Оросын засаг захиргаатай харилцах хэргийг хариуцаж байсан нь улам өргөжсөөр Халхын Их Хүрээний газар Хүрээнд сууж хэрэг шийтгэгч сайдын газар буй болж зохион байгуулагджээ.

XVIII зууны эцэс XIX эхээр 40 гаруй жил Хүрээний сайдын тушаалыг хашсан ван Юндэндорж 庫倫事宜 (kùlún shìyì) –XIX зууны эхээр Хүрээний хэргийн зүй” хэмээх зохиолыг манж, хятад хэлээр бичсэн нь эдүгээ болтол судлагдаж, судалгааны эргэлтэд ороогүй байгаа тул тус илтгэлд энэхүү зохиолын тухай өгүүлнэ.

Д. А. Носов

Россыпи документов В. А. Казакевича: полевой дневник 1925 г.

Впервые фрагменты сведений из отчетов В. А. Казакевича 1923–1925 гг. были опубликованы И. И. Ломакиной [Ломакина 1993, с. 140, 142]. Персоналии этого исследователя она посвятила специальную небольшую статью, в которой указала на отсутствие оригиналов полевых дневников [Ломакина 1994, с. 36]. Попытку внести ясность в вопрос о местонахождении данных документов предприняли Ю. В. Кузьмин и

В. В. Свинин. В 2000 г. они выпустили небольшой очерк о трех документах, составленных В. А. Казакевичем в 1923–1925 гг. и хранящихся в Улан-Баторе. Иркутское издание сразу же стало библиографической редкостью и не учитывалось в большинстве поздних работ, посвященных творчеству ученого. Из трех документов, упомянутых в публикации, два охарактеризованы автором как «Отчет» [Кузьмин, Свинин 2000, с. 3]. Поэтому иркутские исследователи в своей работе характеризуют сохранившийся в Улан-Баторе корпус сочинений В. А. Казакевича как «научные отчеты и дневники» [Кузьмин, Свинин 2000, с. 9].

Мне удалось познакомиться с четырьмя из пяти экспедиционных отчетов, подготовленных В. А. Казакевичем за время командировки в Монголию 1923–1925 гг. Их содержание указывает на то, что документы были составлены после завершения экспедиций на базе источника, которым, предположительно, являлись полевые дневники. Первым основанием для этого предположения является то, что В. А. Казакевич хорошо владел монгольским языком [Кузьмин, Свинин 2000, с. 5], но практически все произведения устного народного творчества приведены в отчетах в русском пересказе. Вторым — наличие проверочных данных для информации разного рода, которые он мог получить только в Улан-Баторе по возвращении из экспедиций. Третьим основанием стал размер бумаги, на которой были составлены автографы отчетов — это листы размером 21 × 30 см, которые весьма неудобны для использования при передвижении «монгольским способом», то есть с минимальным количеством личного состава, снаряжения и продовольственного запаса [Кузьмин, Свинин 2000, с. 3]. Четвертым стало знакомство с «Тетрадами для заметок В. И. Лисовского», хранящимися в Центральном Национальном Архиве Монголии [МУТА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 173].

Всеволод Игнатьевич Лисовский, инженер-мелиоратор, выпускник Донского Политехнического Института в г. Новочеркасске в 1915 г. вошел в состав экспедиции П. А. Витте по изучению Монголии, где остался на 12 лет и с 1921 по 1927 гг. работал в Ученом Комитете страны [Юсупова 2018, с. 63], в том числе на должности заведующего картографическим отделом. В Центральном Национальном архиве Монголии сохранились приписываемые ему непагинированные полевые записные книжки малого формата, которые датированы 1922–1929 гг. Одна из таких книжек содержит геодезические заметки, а также экспозиционные данные и пояснения к четырем сериям фотографических снимков. Даты и места съемки однозначно указывают на то, что снимки были сделаны В. А. Казакевичем в ходе его поездки на восток Монголии в 1925 г. Ряд пояснений от первого лица не оставляют сомнений в том, что они сделаны исследователем лично.

Литература:

- Кузьмин, Свинин 2000: Ю. В. Кузьмин, В. В. Свинин. Монгольские дневники В. А. Казакевича // Иркутские монголоеды за «круглым столом». Информационный бюллетень. № 7. Иркутск, 2000. с. 3–10
- Ломакина 1993: Ломакина И. И. Голова Джа-ламы. Санкт-Петербург — Улан-Удэ, 1993. 240 с.
- Ломакина 1994: Ломакина И. И. В. А. Казакевич как монголист и его материалы о Джа-ламе // *Mongolica-III*. Из архивов отечественных монголоедов XIX — начала XX вв. СПб.: Фарн, 1994. с. 35–37.
- Юсупова 2018: Юсупова Т. И. Советско-монгольское научное сотрудничество: становление, развитие и основные результаты (1921–1961). СПб.: Нестор-История, 2018. 312 с.

Сокращения:

МҮТА — Монгол Үндэстний Тэв Архив (Центральный Национальный Архив Монголии).

К. В. Орлова

Научные экспедиции в Западную Монголию (2012–2014 гг.)

В докладе речь пойдет об экспедициях по научному проекту сотрудников трех академических учреждений: ИВ РАН, КИГИ РАН (ныне КалмНЦ РАН), Института истории и археологии АН Монголии (ныне Институт истории и этнологии АН Монголии), осуществленных в период с 2012 по 2014 гг. Основная цель поездки — исследование общего и особенного в буддийском наследии ойратских народов Монголии и калмыков России; изучение истории буддийских монастырей Западной Монголии, а также состава письменных памятников (как в монастырях, так и в архивах). Среди огромного количества монгольской письменной словесности особое внимание уделялось собраниям рукописей и ксилографов, хранящимся в частных коллекциях и монастырях Западной Монголии.

Становление и специфика буддийской традиции у западномонгольских народов состояла в том, что одновременно с распространением мировой религии среди родственных народов происходили процессы их отделения, миграции этнических групп, завершившиеся формированием ряда этносов. Уникальность буддийского наследия состоит в том, что начальный этап распространения буддизма у монгольских народов являлся общим. В дальнейшем произошли два важнейших события, определившие судьбу буддизма ойратов и его культуры: съезд монгольских и ойратских (т. е. западномонгольских) князей и духовенства 1640 г., объявивший буддизм государственной религией у этих народов, и создание в 1648 г. ойратской (старокалмыцкой) письменности (тодо бичиг‘, или яное письмо‘). Общая законодательная база и единый литературный язык, на который уже в первые десятилетия были переведены сотни буддийских сочинений, в значительной степени способствовали сложению и передаче учения.

Буддийская традиция у разных западномонгольских народов имела свои особенности, поскольку развитие религии происходило в разных государствах, территории которых располагались от Джунгарии до Поволжья: Хошутское ханство (конец 30-х гг. XVII в. — 1724 г.) в Кукуноре, Джунгарское ханство (1634–1758) — на территориях традиционных кочевий ойратов в Центральной Азии, Калмыцкое ханство (середина XVII — 1771 г.) в Северном Прикаспии. На общность и специфичность буддийского наследия ойратских народов не мог не повлиять их этнический состав.

Степень изученности истории буддизма и его наследия различна по отношению к разным монгольским народам. Учеными сделано немало в области изучения истории буддизма в Монголии, но традиции ойратов остаются все еще недостаточно изученными. История буддизма в Калмыкии становилась предметом исследования ряда ученых, но имеется немало лакун, которые могут быть разрешены при привлечении сравнительного материала, в том числе по устной и письменной традициям буддизма других ойратских по происхождению народов.

В результате проведенных исследований сделан вывод, что в буддийской культуре калмыков в последней четверти XX в. ощутимы были утраты отдельных традиций, вместе

с тем сохранялась «народная религия», в которой имелось немало элементов, включенных из более ранних верований.

Т. А. Пан

**«Уложение Китайской палаты внешних сношений»
в русском переводе С. В. Липовцова**

Одним из выдающихся маньчжуроведов первой половины XIX в. был Степан Васильевич Липовцов (1770–1841), ученик при Восьмой Пекинской миссии (1794–1807), и с 1808 г. — переводчик с маньчжурского и китайского языков в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел. Среди его многочисленных переводов с маньчжурского языка особое место занимает «Уложение Китайской палаты Внешних сношений»¹², являющееся основополагающим документом по общению Цинской империи с сопредельными территориями — Монголией, Тибетом и Россией, и безусловно было востребовано при Российском дворе для правильного понимания принципов общения империи Цин с соседними государствами. «Уложение китайской Палаты внешних сношений», изданное в Пекине в 1818 г., было приобретено Библиотекой Азиатского Департамента. Перевод Уложения был поручен С. Липовцову министром иностранных дел К. В. Нессельроде и вышел в двух томах в 1828 г.

Говоря о переводах с восточных языков, выполненных в XVIII — первой половине XIX вв. (как в России, так и в Европе) следует помнить, что они являлись не дословным переводом, а переложением, приближенным к источнику. Перевод и расположение материала могли значительно отличаться друг от друга, что делалось для облегчения восприятия восточного материала европейским, в т. ч. и русским, читателем. Степан Липовцов довольно четко говорит об этом в своем предисловии: «Что касается до подлинника Уложения, то оный имеет существенное различие от состава и расположения наших книг. По правилам Китайской Библиографии, полный экземпляр сего Уложения состоит из 67 особых тетрадей или книжек, в двух томах, в прочем без всякого отношения к частям, кои в них помещены.<...> При таком составе маньчжурского подлинника, я признал за лучшее дать переводу моему другое расположение, гораздо удобнее и сообразнейшее с порядком. Следуя принятому мною намерению, я разобрал тетради подлинника и разделил оные, по их содержанию на особые части. Из сего разбора вышло особое отделение, относящееся собственно до устройства Палаты внешних сношений, которое назвал я образованием оной, и шести частей, составляющих полное Уложение, назвав общим наименованием все, содержащееся в каждой из оных»¹³.

Поскольку перевод С. Липовцова уже стал источником для русскоязычных и европейских историков, то предполагается проследить, насколько маньчжурский оригинал отличается от русского перевода.

¹² Уложение Китайской палаты Внешних сношений. Перевел с маньчжурского Степан Липовцов. Том 1–2. Санктпетербург, в типографии Департамента народного просвещения, 1828 г.

¹³ Там же. С. XVI.

Контакты Л. К. Герасимович с монгольскими писателями. Письма Д. Батбаяра

Профессор Санкт-Петербургского университета Людмила Константиновна Герасимович (1923–2015) до конца своих дней поддерживала связь с представителями творческой интеллигенции Монголии.

В личном архиве Л. К. Герасимович сохранились фотографии и письма монгольских писателей. Среди них порядка десяти писем от известного прозаика и драматурга Д. Батбаяра (1941–2020). Самое раннее датировано 1986 годом, последнее — 2011 годом. Двадцать пять лет творческих и человеческих контактов. В своих письмах Д. Батбаяр выражает Людмиле Константиновне благодарность за искренний неподдельный интерес к его произведениям, спрашивает совета, делится своими творческими планами.

Из писем Д. Батбаяра видно, что Л. К. Герасимович не обошла вниманием ни один сборник произведений автора. Верно угадав большой талант, она пристально следила за дальнейшим творческим ростом писателя. Всегда справедливо критиковала или положительно отзывалась о его работах. Д. Батбаяр высылал ей свои книги и с нетерпением ждал профессиональной оценки литературоведа.

Р. Ю. Почекаев

Правовые воззрения монголов в пословицах и поговорках

Привлечение пословиц и поговорок как источника сведений о праве и правоотношениях и, в особенности, о правовых воззрениях имеет давнюю традицию в юридической науке. В отечественной науке важность этого источника знаний о праве еще в XIX в. отмечали выдающиеся правоведы (З. А. Горюшкин, Н. С. Таганцев, М. Ф. Владимирский-Буданов и др.). Уже в первой половине XIX в. специалисты стали заниматься сбором и анализом юридических пословиц и поговорок, стали появляться специальные тематические сборники, содержавшие тексты и анализ пословиц и поговорок в судебной, семейной и прочих сферах¹⁴.

В начале XXI в. это направление было продолжено на качественно новом уровне, когда собранный массив пословиц и поговорок разных народов мира позволил исследователям говорить даже о формировании новой специальной правовой дисциплины — юридической (правовой) паремиологии¹⁵. Представители этого научного направления отмечают высокую ценность пословиц и поговорок, во-первых, как источника сведений о государстве и праве и даже о правовой психологии, но также в некоторых случаях — и как источника права¹⁶.

¹⁴ Кузнецов Я. Семейное и наследственное право в народных пословицах и поговорках. СПб., 1910; Снегирев И. Русские в своих пословицах. Кн. II. Пословицы политические и судебные. М., 1832.

¹⁵ См., напр.: Гамзатов М. Г. Английская и русская правовая паремиология. СПб., 2017; Лунарев Г. П. Юридические пословицы и поговорки: предмет, виды и функции // Государство и право. 2017. № 1. С. 30–41.

¹⁶ Лунарев Г. П. Пословицы и поговорки как источник обычного права // Государство и право. 2019. № 2. С. 106–119; Он же. Юридическая психология в пословицах и поговорках // Гражданин и право. 2009. № 9. С. 41–55; Он же. Юридические пословицы и поговорки как форма правосознания // Государство и право. 2018. № 11. С. 65–78.

Насколько нам известно, до сих пор исследователи не обращались к специальному исследованию монгольских пословиц и поговорок, имеющих отношений к правовой сфере. Между тем, представляется, что они содержат весьма ценную информацию по некоторым отраслям права, а в особенности — по формированию и развитию правосознания монголов. Фундаментальную источниковую базу для исследования составляет недавно опубликованная монография И. В. Кульганек¹⁷, содержащая не только исследование, но и многочисленные тексты монгольских пословиц и поговорок, а также в большинстве случаев — их русские аналоги. В настоящем исследовании предпринимается первая попытка анализа монгольских юридических пословиц и поговорок, целью которого мы ставим выяснение вопроса, насколько ценным источником по истории права и особенно правосознания монголов они могут служить.

Сразу же отметим, что многие из них мы можем с достаточной степенью условности отнести к «юридическим»: значительное число пословиц и поговорок носят бытовой или моральный характер, однако, будучи универсальными, они могут быть рассмотрены и применительно к правовым отношениям.

Довольно многочисленны пословицы, посвященные семейно-правовым отношениям, которые, как известно, традиционно наиболее долго сохраняли обычно-правовой характер. Например, одна из них гласит: «Умрёт отец, старший брат — отец, умрёт мать, старшая сестра — мать» (с. 88), отражая, по всей видимости степень старшинства в традиционной монгольской семье. Главенство старшего брата отражено в пословице «старшему брату уважение на расстоянии в сажень» (с. 102). Еще одна пословица отражает принцип левирата: «Если умрёт старший брат, наследством станет его жена, падёт конь — в наследство останется шкура» (с. 101). Подчиненное положение замужней женщины подтверждается поговоркой «Без длинной безрукавки женщине свободней» (с. 148).

В ряде пословиц встречаются противоречия. Например, одна гласит, что «Если братьев много — жить легче, если стремянные ремни четырёхслойные — ногам легче», а другая — «Лучше, когда родные братья-сестры живут подальше, а вода и кизяк находятся поблизости» (с. 101). Видимо, пословицы отражают постепенный распад патриархальной семьи и переход к практике существования малых семей, для которых «Хороший сосед лучше плохого родственника» (с. 101, 121).

Некоторые пословицы и поговорки относятся к уголовной и процессуальной сфере.

В одной из них любопытно обыграно тема преступления, которое пока не раскрыто, и пострадавший готов подозревать в нем всех окружающих: «Кто взял, на том один грех, кто потерял, на том десять грехов» (с. 91). Также можно к правовой сфере отнести характеристику попыток снять с себя ответственность, подставив другого: «В безвыходном положении свалить свою вину на отца» (с. 99).

Когда же речь идет о наказаниях, мы и тут сталкиваемся с некоторыми противоречиями. Одна пословица гласит: «Услугой за услугу, хитростью за хитрость», т. е. фактически отражает принцип талиона (с. 102). Однако в другой прямо говорится: «Мсть не преследуется мстью» (с. 137). Полагаем, в них выражено противостояние обычного права и официального законодательства, запрещающего самосуд. При этом

¹⁷ *Кульганек И. В.* Монгольские пословицы и поговорки. Исследование, перевод, комментарий. СПб., 2017. Далее при цитировании пословиц и поговорок ссылка на страницы монографии будут даваться по тексту в круглых скобках.

неотвратимость наказания отражена в пословице «Волк, зачистивший в стадо, попадает в капкан» (с. 128). Вместе с тем, допускается и возможность раскаяния преступника: «Человек, осознавший свой порок, становится светлым умом» (с. 111). С другой стороны, поговорка «Это не вина, а привычка, это не неожиданность, а старое дело», рассмотренная с правовой точки зрения, позволяет обнаружить здесь признаки рецидива.

Что касается суда, то тут уместно привести пословицу, которая, несомненно, имеет аналоги у многих народов мира: «Трудно с богатым судиться, а с богатырём бороться» (с. 104). Сложность добиться рассмотрения своего дела высшей инстанцией нашла отражение в поговорке «Чем упрашивать хана, лучше упротить привратника» (с. 152).

Значительное количество пословиц и поговорок относится к долговой сфере. Причем некоторые из них представляют собой высказывания довольно общего характера, вроде бы, и не имеющие прямого отношения к правовым отношениям, например поговорка «Когда берешь — как тиски, когда отдаешь — как клещи» (с. 90) отражает, видимо, нежелание отдавать взятое в долг.

Любопытно отметить, что в некоторых случаях пословицы и поговорки могут иметь «мнимое» юридическое значение. Ярким примером служит следующая: «Всё происходит по своим законам» (с. 114), в которой слово закон («жам») используется в значении «судьба», «карма», а не правовое регулирование.

Итак, наше предварительное исследование подтверждает ценность и важность монгольских юридических пословиц и поговорок как источника знаний по истории традиционного монгольского права и правовых воззрений монголов. Следующими шагами должны стать более подробное изучение их текстов в соотношении с другими источниками (юридическими памятниками, свидетельствами современников и пр.), а также — сравнительный анализ конкретных пословиц и поговорок с иностранными аналогами и выявление на их основе сходств и различий в правосознании различных народов.

Э. Пүрэвжав

**Хэлмэгдсэн бүтээлүүд: 1938 оны 5 сарын 12-ны өдрийн акт бичиг
(Произведения, подлежащие уничтожению: акт от 12 мая 1937 года)**

Монгол улсын “Шинжлэх ухааны хүрээлэнгээс зохион нийтлүүлсэн, орчуулсан бүтээлүүдийг хянан шалгаж, улс төрийн талаар шалган хянаж хүчингүй болгох тухай акт бичиг” хэмээх 1938 онд үйлдсэн арван зүйл бүхий баримт бичиг Монгол улсын Үндэсний тэв архивд хадгалагдаж байна. Энэхүү акт бичгийн 1 дүгээр зүйлд —Бүдний биес Шинжлэх ухааны хүрээлэнгийн даргын тушаалаар тус хүрээлэнгээс эрхлэн 22 [1932] оноос эдүгээ хүртэл хэвлэн нийтэлсэн бүхий л хэвлэлийн дотроос зохих газрын шийдвэрийн ёсоор гадаадаас орчуулсан зүйлүүд ба жинхэнэ тушаал тогтоолын чанар бүхий хэвлэлийг хасаж, чухам улс төрийн талаар шалган хянаваас зохих хэвлэлүүдийг бүртгэн үзвээс, бүгд 28 дэвтэр болох бөгөөд нэрсийг жагсааваас:

1. —Алтан товч”-ийн тэргүүн, дэд
2. —Монгол хэл бичгийг сайжруулах бодлогын эгүүлэл” 1, 4, 5, 6, 7, 8 дугаар дэвтэр
3. —41 [1921] оноос хойших хэвлэл зүйлийн бүртгэл”

4. –Азийн ангид бүхий бичмэл ба дармал ном бичгийн бүртгэл”
5. –Шинэ толь” хэмээх сэтгүүл 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 дугаар дэвтэр
6. –Манжаас Монголыг эзэрхсэн үеийн хэрэглэгдэхүүн”
7. –Бага ястны гарал үндэс”
8. –Үсгийн дүрмийн толь бичиг”
9. –Тооны ухааны нэр томьёо”
10. –Бодисын зүйн нэр томьёо”
11. –Хувилахуй ухааны нэр томьёоны бичиг”
12. –Малчны сургаал”
13. –Аж ахуйн тэмдэглэл”
14. –Малчнаа сануулах сэдэв”

хэмээсэн” нийтдээ 14 нэр тэрлийн ном бүтээлийн талаар эгүүлжээ.

Энэхүү акт бичигт –Хувьсгалын эсэргүү Цэвээн Жамсраногийн эмхэтгэв хэмээсэн –Бага ястны уг гарлын бичиг”, Шагжийн хураамжлав хэмээсэн –Монгол үсгийн дүрмийн толь” энэ хоёр бичиг болбоос хэдийгээр эсэргүү этгээд нарын гараар түүвэрлүүлэн эмхэтгүүлсэн боловч, уг зохиолууд уулаас тэдний санаа бодлогоор хорлох үүргийн дотор бүтээгдсэн бичгүүд бус, [Монгол улсын Шинжлэх ухааны] хүрээлэнгээс тушааж хийлгээд, хянаж хэвлүүлсэн зүйлүүд болмуй. Гэвч тэдний шургуулан оруулсан бага сага үл бүтэх зүйлүүд буй. Үүнийг шүүрдэн арилгаж цэвэр болгохыг Дуун ухаан ба Түүхийн тасагт даалгаж, ерэнхийд нь хүчинтэй хэвээр үлдээсүгэй” хэмээн туурвиж үйлдсэн хүнийг нь элдвээр ээлэн буруутгасан ч гэсэн, хийж хэвлүүлсэн бүтээлийг нь үгүйсгэсэнгүй авч үлдээсэн байдаг.

П. О. Рыкин

«Ойратский фрагмент» в монгольской летописи *Erdeni tunumal neretü sudur* (ок. 1607 г.): опыт лингвистического анализа

В монгольской летописи *Erdeni tunumal neretü sudur*, букв. ‘Сутра под названием Драгоценная ясность’ (ок. 1607 г.), посвященной жизни и деятельности Алтан-хана тумэтского (1507–1582), имеется уникальный по своей лингвистической ценности отрывок, не имеющий аналогов в других монгольских летописях и документах. В нем приводится речь ойратских прорицателей (*oyirad-un üjemerčin*), устрашенных чудесным светом, исходящим из тела Алтан-хана перед битвой с ойратами (строфа 91, л. 12r6–11). В данном фрагменте делается сознательная попытка отобразить языковые особенности ойратских диалектов рубежа XVI–XVII вв. Таким образом, он представляет собой древнейший опыт передачи диалектологических данных в монгольской литературной традиции. В докладе выявляются и анализируются лингвистические признаки, идентифицируемые как ойратские, в сопоставлении с данными исторических и современных форм ойратских диалектов.

Хуухэн-хутухта О. Тагарваа и его значение в истории монгольского буддизма в XX в.

XX век стал самым трагичным периодом в истории буддизма в Монголии. Монгольская сангха была фактически разрушена в ходе антирелигиозной кампании 1930-х гг. Большинство исследователей, писавших об истории буддизма в МНР (1921-1992), обращали своё внимание на борьбу новой монгольской власти с сангхой и кульминацию этого процесса — большой террор и уничтожение буддийских институтов в конце 1930-х гг. Такой подход понятен и логичен: после 1990-го года стали доступны документы по истории того периода, было необходимо установить историческую правду и восполнить существовавший в науке пробел. В то же время на фоне драматизма событий 1930-х гг. последующая история буддизма в МНР казалась незначительной и не слишком важной, в основном она сводилась к нескольким ключевым событиям — открытию монастыря Гандантегченлин в 1944 г., открытию при нем Буддийского университета в 1970 г., визиту Далай-ламы в 1979 г.

Цель данного доклада — на примере перерождения (хубилган) Хуухэн-хутухты О. Тагарвы — показать важность и необходимость изучения буддизма в МНР во второй половине XX в. не только для понимания истории буддизма в МНР, но и процессов в религиозной сфере постсоциалистической Монголии.

Хубилганы играли важнейшую роль в распространении буддизма в Монголии с начала XVII в. К началу XX в. у монголов было 243 хубилгана, из них 147 во Внутренней Монголии и 35 в Хухуноре 1900 . В Халха Монголии помимо Джебдзун-Дамба-хутухты было 13 хутухт с печатями, т.е. официально признанных маньчжурскими властями. В ходе антирелигиозной кампании 1930-х гг. институт хубилганов в МНР был фактически уничтожен, поиск новых перерожденцев был запрещён постановлением седьмого съезда МНРП в 1928 г. Несмотря на послабления в отношении религии с середины 1940-х, открытия монастыря Гандан и формирования при нем небольшой буддийской общины, институт хубилганов в социалистической Монголии так и не был возрождён. Тем не менее, есть свидетельства, как минимум, о двух перерожденцах, обнаруженных и живших в МНР. Это Цэрэндондов-хубилган, перерождение известного тибетского йогина и поэта Миларепы , и Хуухэн-хутухта О. Тагарва. Восьмой Хуухэн-хутухта Оолой Тагарва родился 4 июня 1944 г. в сомоне Адаацаг Дундговь аймака. При рождении местные ламы заметили у него особые признаки на теле и предположили, что он перерожденец. В 1960 г. бывшие ламы Дэлгэрийн хийд признали Тагарву перерождением Хуухэн-хутухты . До 1990 г. эта информация держалась в тайне, однако один бывший лама, друг его отца, лично наставлял его в дхарме . Большую часть жизни Тагарва проработал обычным скотоводом. В 1990 г. его официально интронизировали как Хуухэн-хутухту в монастыре Дэлгэрийн Чойр в возрасте 46 лет . Фактически О. Тагарваа стал одним из первых официально признанных перерожденцев, при этом обнаруженным и утверждённым не Далай-ламой, а монгольскими ламами.

Пример Хуухэн-хутухты, если рассматривать его в контексте других подобных примеров, показывает, что буддийская традиция в МНР не прервалась полностью в 1930-е гг. Буддийская практика, скорее, трансформировалась, она не была на виду, но оказывала своё влияние на монголов и во многом предопределила специфику религиозной ситуации в постсоциалистической Монголии.

**Коллекция фотографий из фонда А. М. Позднеева
(по материалам АВ ИВР РАН)**

В архиве востоковедов ИВР РАН хранится личный фонд выдающегося ученого-монголоведа, организатора науки и государственного деятеля А. М. Позднеева (Фонд 44) (1851–1920). Большой интерес представляют в нем фотоматериалы (Ф. 44. Оп. 3. Д. 15). Это 196 фотографий, которые находятся в пяти папках. Составитель описи данного фонда И. И. Иориш определяет их как фотоснимки из путешествий по Монголии. Однако, среди них есть фотографии, явно относящиеся к Китаю. Известно, что А. М. Позднеев во время своей первой экспедиции в Монголию (1876–1879) побывал в Китае. Подтверждают это и снимки. Из 196 фотографий 134 сделаны в полевых условиях, их можно назвать «любительскими», и выполнены они, по-видимому, самим А. М. Позднеевым. Остальная их часть — в основном профессиональные, студийные, и представляют собой изображения различных типов монголов, бурят, калмыков, фотоснимки бурятских дацанов, калмыцких хурулов и портреты буддийских священнослужителей в духовном облачении. В описи написано, что здесь представлены фотографии монгольских, бурятских, китайских поселений и городов, участков местностей, строений, внешних и внутренних видов храмов, местных жителей, фотоснимки стел и дорожных знаков с китайскими, монгольскими и тибетскими надписями, ряд фотографий из семейного альбома. Пояснительные записки имеют немногие из них.

В 1876 г., ко времени окончания А. М. Позднеевым университетского курса, Русское географическое общество снарядило экспедицию в Монголию под руководством известного исследователя Центральной Азии — Г. Н. Потанина (1835–1920). По представлению проф. К. Ф. Голстунского в состав этой экспедиции был включен А. М. Позднеев как человек, проявляющий интерес к изучению монгольской филологии, а также с целью подготовки будущего преподавателя университета по данной специальности. Экспедиция состояла из семи человек и проработала в Монголии почти полтора года (с июля 1876 до конца 1877 г.). В экспедиции участвовали также супруга Г. Н. Потанина — А. В. Потанина, зоолог М. М. Березовский и топограф П. А. Рафаилов. Маршруты экспедиции, начавшись с Зайсана (горы близ Их Хурээ, столицы Монголии), охватывали почти всю Западную Монголию. В фотоархиве Позднеева есть снимок, где изображены на переднем плане супруги Потанины на фоне монгольской природы, в походной палатке Александра Викторовна за чашкой чая, Григорий Николаевич за работой. К сожалению, все фотографии, сделанные в полевых условиях, не содержат никаких записей, и в большинстве своем они очень плохого качества. Известно также, что зимой 1876/77 г. экспедиция провела в г. Кобдо, где собирала сведения о русской торговле в Монголии. Действительно, есть снимки с изображением русских купцов с семьей и детьми, торговых площадок, где сложены кипы товаров.

Алексей Матвеевич, отправляясь в столь сложное путешествие, строил определенные собственные планы, которые не вполне соответствовали целям и задачам экспедиции Г. Н. Потанина. Поэтому через некоторое время он, отделившись от экспедиции Г. Н. Потанина, предпринял свое личное путешествие по Монголии, которое закончилось в 1879 г. В фонде А. М. Позднеева сохранились путевые заметки (Ф. 44. Оп. 1. Д. 37), которые датируются 1879 г. Из них мы узнаем, что ученый возвращался в Россию,

продолжая вести свои наблюдения, тем же путем, по которому он отправлялся в путешествие. Так в дневниках есть следующая запись: «В прошлом 1878 г. из Кобдо был командирован Цзурган для добычи серебра...» (л. 3). Даже этот небольшой фрагмент говорит о владении А. М. Позднеевым знаниями о ситуации, которая сложилась в Кобдо в 1878 г., связанной с восстанием олётов и бегством китайских наместников.

По нашему мнению, именно к этому времени относятся несколько фотографий местности с шестью могилами и пятью обо, которые Алексей Матвеевич так описывает в своих путевых заметках: «Переправившись через р[еку] Буянту у не высокой скалы Шүту верстах в 5 от Кобдо вступили в долину р[еки] Буянту, имеющей здесь течение на С/З. Пашни расположены по склону к р[еки] Кобдо и, начинаясь от р[еки] Буянту, доходят до гор Бульчжинай алак, у которых дорога поворачивает к востоку и, миновав перевал Кёнгёту и гору Агойту, пересекает р[еку] Кобдо. На З[ападном] склоне горы Бульчжинай алак находится 6 могил и 5 обо. Могилы обозначены памятниками — камнями сажени в 3 вышиной с высеченными фигурами человека, совершенно подобными иранским. Могилы расположены на двух противоположных сторонах горы Бульчжинай алак, они находятся на северном склоне горы у Кёнгёту... все камни ставились на северных сторонах могил и изображения лиц обращены к югу» (л. 2–2b).

Фотоматериалы А. М. Позднеева о его научном путешествии в Монголию в 80-е годы XIX века, находящиеся в АВ ИВР РАН, можно считать одними из первых фотографий о Монголии в России. Несмотря на их невысокое качество, они дают представление о красоте природы Монголии: гор, рек, ущелий, долин, об этнографии монголов и их этническом разнообразии. Фотографии в фонде А. М. Позднеева являются важным источником для дальнейшего изучения научного наследия А. М. Позднеева и для истории российского востоковедения в целом.

А. А. Сизова

Идентификация изображений в монгольской гадательной книге эпохи Юань из коллекции ИВР РАН

Гадательная книга, привезенная экспедицией П. К. Козлова из Хара-Хото, представляет собой уникальное явление монгольской книжной культуры. Большую часть рукописи занимает гадательный текст (л. 1–58), который содержит одну из ранних версий памятника гадательной литературы Китая, известного под названием «Записки из нефритовой шкатулки» (玉匣記 Юйся цзи).

На развороте листов 3v–4r находятся девять изображений, нанесенных печатным способом, функция которых ранее была не ясна. Теперь же, благодаря указанию А. Д. Цендиной, удалось установить их связь с практикой гадания на девяти монетах, описания которой сохранились в ряде тибетских и монгольских рукописях мировых коллекций. В задачи доклада входит представление краткого очерка этой практики на материале доступных источников и разъяснение символики изображений гадательной книги из коллекции ИВР РАН.

Обозначение элиты в анонимной «Алтан товч»

Анализ статусов и функций лиц, маркировавших представителей элиты, позволяет реконструировать динамику социальной организации и политических структур монгольского общества, что представляет особый интерес для системного исследования властных отношений в монгольском обществе XVII в.

Одним из путей, которым определяется статус и производные от статуса права и обязанности социальных групп, обозначаемых различными титулами, может быть сопоставление их места в иерархии с позицией других групп в той же социальной страте, а именно элиты, монгольского общества XVII в. Эту социальную страту — элиту — объединяет совместная деятельность в социально-политической сфере по стабилизации жизни общества, с одной стороны. С другой стороны, права и обязанности отдельных социальных групп дифференцированы, что закрепляется фиксацией за каждой из них статусных символов, важнейшим из которых становится титул. Закрепление титулов способствует адекватному выполнению представителями групп своих функций и, соответственно, достижению требуемого консенсуса в их совместной деятельности.

А. А. Соловьева

Устные автобиографии исполнителей ритуала *луйджин (чод)* в Монголии: текстуальные, ритуальные и социальные аспекты

Настоящий доклад обращен к одной из буддийских практик, возникшей, согласно письменным свидетельствам, в Тибете в XII веке [Kollmar-Paulenz 1993, 1998]. Луйджин (монг. *луйжин/луужин*) от тибетского *lus sbyin* — «подношение тела», имеет также другое название, чод (тиб. *gCod*) — «отсечение». Луйджин получил распространение в других традициях, включая монгольские, и за свою длительную историю пережил множество перипетий и трансформаций, будучи то индивидуальной медитативной практикой странствующих йогов, то прикладной монастырской службой для прихожан, экзорцистским ритуалом или семейной обрядовой традицией.

В современной Монголии луйджин чрезвычайно популярен. Он является одним из наиболее востребованных ритуалов у разных групп населения, а также объектом серьезного соперничества между религиозными специалистами. В современных практиках луйджин рассматривается в качестве основного экзорцистского ритуала, очищающего пространство от тревожащего воздействия неуспокоенных духов:

«Луйджинч показывает путь заблудшей душе, чтобы та могла покинуть землю и получить следующее рождение. Он дует в трубу, сделанную из человеческой кости, он призывает призраков-*чутгур*, они приходят, и луйджинч отправляет их к следующему перерождению, помогает найти путь и оставить живых людей в покое» [Хархорин 2016].

Кроме того, луйджин обладает апотропеическими и профилактическими функциями, устраняя препятствия в жизни, делах, защищая от клеветы, проклятий и всего дурного, открывая тем самым путь к благополучию и успеху. Специалистами-исполнителями и обычными людьми луйджин воспринимается в качестве особого мистического ритуала, крайне сильного и опасного.

Современные монгольские традиции луйджин отличаются большим разнообразием. В актуальной практике исполнителей разных направлений задействовано более десятка текстов луйджин, восходящих к различным религиозным авторитетам [Havnevik, Vyamba, Vareja-Starzynska 2003]. Ритуал имеет разнообразные формы подготовки и посвящения исполнителей, применим в различных ситуациях, проводится одним или группой специалистов для индивидуальных и коллективных клиентов. Луйджин исполняется в монастырях и домашних храмах, в частных кочевьях и городских квартирах, в условиях природного ландшафта, в степи и на местах трагических событий монгольского прошлого.

Вариативность форм и интерпретаций ритуала луйджин в современный период отражают его высокую пластичность и вовлеченность различных традиций, которые его представляют, в том числе фольклорных. Рассматриваемый ритуал, является популярным объектом фольклорных нарративов, как минимум, начиная с 1960-х гг. [Дамдинсүрэн 1991]. В фольклорных повествованиях луйджин и его составляющие, включая фигуры исполнителей, атрибуты, ритуальные действия, тексты, значения и функции, активно семантизируются и переосмысляются в контексте монгольских фольклорных представлений. Период социализма (1924–1991), религиозных гонений и резкого снижения роли институционализированных специалистов в Монголии, создал среду для активного взаимодействия различных локальных повествовательных и ритуальных традиций, а также для усиления роли индивидуально практикующих специалистов. Для практики луйджин эти условия стали фактором интенсивного развития, последующего разнообразия и популярности.

В современной период традиции луйджин представлены различными группами исполнителей — индивидуальными, смешанными (частично связанными с религиозными организациями) и институционализированными. Последние, представляя крупные монастырские сообщества и буддийские организации (с преобладанием желтошапочной школы гелугпа), в последнее десятилетие заметно усилили свои позиции в ритуальной жизни, включая курирование практики луйджин. Тем не менее, несмотря на интенсивную конкуренцию и борьбу за популярность той или иной традиции исполнения этого ритуала, индивидуальные специалисты все еще играют заметную роль. Среди них выделяется женская группа исполнителей, среди которых практика луйджин рассматривается в качестве семейной, наследуемой традиции. Именно она, по-видимому, являлась доминирующей до восстановления влияния институционализированного буддизма. Эта группа обладает рядом устойчивых особенностей, как ритуальных, так и социальных, и обнаруживает преемственность с более ранними формами рассматриваемой практики.

Особое внимание в данном докладе будет уделено комплексу повествований, связанных с женской группой индивидуальных исполнителей луйджин, включая семейные легенды, «визионерские» нарративы (описывающие персональные опыт специалистов во время ритуала), устные автобиографии. Последний жанр представляет интерес для ряда аспектов исследования, включая текстологические, ритуальные и социальные. В частности, подобные повествования обнаруживают корреляцию мотивов между устными и письменными традициями (в том числе жанр буддийских биографий намтар). Также они позволяют рассмотреть некоторые особенности ритуальной традиции женских исполнителей луйджин, ее связи с фольклорной средой, обеспечивающие продуктивность и способность быстро актуализироваться в подходящих культурно-исторических условиях. Кроме того, указанные типы текстов помогают установить бытование альтернативных (по сравнению с монашескими) формы посвящения и

легитимации индивидуальных исполнителей, которые позволяют им продолжать традицию и до определенной степени противостоять ритуальной унификации. Эти и другие темы будут рассмотрены в сообщении, основанном на материалах полевых исследований (2006–2020 гг).

Литература:

Дамдинсүрэн Ц. Чэтгэртэй учирсан хүмүүсийн эрчил (Лус савдаг чэтгэр шулмастай учирсан хүмүүсийн эрчил). Улан-Батор, 1991.

Havnevik, Hanna. Ragchaa, Byamba. Bareja-Starzynska, Agata. 2003. Some Practices of the Buddhist Red Tradition in Contemporary Mongolia. *The Mongolia-Tibet Interface. Opening New Research Terrains in Inner Asia*. PIATS 2003: Tibetan Studies: Proceedings of the Tenth Seminar of the International Association for Tibetan Studies, Oxford, 2003. Ed. by Uradyn E. Bulag — Hildegard G.M. Diemberger, Brill, Leiden, Boston 2007. Pp. 223–237.

Kollmar-Paulenz, Karénina. 1993. *‘Der Schmuck der Befreiung’: Die Geschichte der Zhi byed- und gCod-Schule des tibetischen Buddhismus*. Wiesbaden: Harrowitz Verlag.

Kollmar-Paulenz, Karénina. 1998. Ma gcig lab sgron ma — The Life of a Tibetan Woman Mystic Between Adaption and Rebellion. *Tibet Journal* 23 (2), 11–32.

С.-Х. Д. Сыртыпова

Источники исторической реконструкции биографии Дзанабазара (1635–1723)

Дзанабазар Гомбодоржийн Ундур-гэгэн Джебзун-Дамба-хутухта — личность выдающаяся и чрезвычайно важная в истории монгольской государственности, не менее значима его роль в развитии изобразительного искусства Монголии, а также буддийской изобразительности мира. Тем не менее, до сих пор нельзя сказать, что его биография хорошо исследована и известна. Эпизоды из биографии Дзанабазара присутствуют в разных видах письменных источников, прежде всего, это намтары на монгольском и тибетском языках, это сочинения по истории Монголии и истории буддизма, где его деятельность не может не рассматриваться, кроме того, вспомогательными источниками для реконструкции биографии Дзанабазара могут служить его собственные сочинения, тексты, вошедшие в состав собрания сочинений.

Намтар (тиб.: nam tar — букв. путь освобождения) — это жанр буддийской литературы, в котором излагаются жизнеописания буддийских адептов. Намтары Ундур-гэгэна бытуют у монголов в многочисленных списках и вариантах, на разных видах бумаг и материалов (рисовой китайской бумаге, волокнистой тибетской, бумаге русских мануфактур, на бересте, на ткани и т. д.). Намтары на монгольском языке обычно записаны старомонгольским вертикальным письмом (есть вариант, записанный квадратным монгольским письмом), несмотря на их многочисленность, в целом они представляют собой одну версию, иногда с лексическими вариациями и незначительными расхождениями, дополнениями в изложении событий. Как правило, они имеют одинаковое название: öndög gegeen-u namtar orusiba — букв. «Жизнеописание Ундур-гэгэна изложено». Жизнеописание дается в свойственной агиографическим повествованиям манере: реальные события и факты перемежаются с удивительными легендами, имеющими широкое хождение в народе. Датируются монгольские тексты с конца XVIII до начала XX века, вероятно, они являются списками с более ранних источников. Встречаются сочинения, совмещающие жизнеописания Богдо-гэгэнов

Джебзун-Дамба-хутухт от первого до седьмого и даже восьмого воплощения. Детальное сравнительное изучение всех вариантов и версий с анализом лексики, морфологии, синтаксиса, палеографии и т. п., все еще остается задачей будущего, эта работа неустанно ведется исследователями. В качестве примеров рассмотрим два рукописных монгольских текста намтаров из частных библиотек монгольских коллекционеров, а также ряд текстов, уже упоминавшихся в исследованиях ученых-монголоведов.

Тибетоязычных намтаров Дзанабазара не так много, но они имеют несколько большее разнообразие, по меньшей мере, имеют разные названия. Зачастую это произведения монгольских авторов, выходящие за жанровые рамки намтаров, где биография Ундур-гэгэна является составной частью большой композиции. Таковыми являются, в частности, хронологически самое раннее, 1702 года, жизнеописание Дзанабазара, вошедшее в «Ясное зеркало» Зая-пандиты (1642–1715) [21], и самое позднее, 1931 года, намтар Дзанабазара в «Золотой книге» Зава Дамдина (1867–1937).

Дополнительное значение для изучения биографии Унэр-гэгэна имеют его собственные сочинения на тибетском языке, полное собрание авторских текстов уместилось в одном томе, они были переизданы в факсимильном виде, а также в 2018 году вышли в переводе на современный язык.

Кроме того, не менее важным, на мой взгляд, источником исторического изучения жизни и творчества Богдо-гэгэна первого являются его произведения изобразительного искусства. Комплексный подход сравнительного исследования позволяет получить более детальную и зримую реконструкцию исторических событий. Таким образом, в качестве источниковой базы исторического исследования методологически целесообразно учитывать не только вербальные, но и визуальные источники.

Н. А. Сулягина, Н. Эрдэнэ-Очир

Материалы Ноин-улинских курганов в архивных собраниях и музейных коллекциях России и Монголии

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МОКНСМ в рамках научного проекта № 20-59-44005.

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR and MECSS, project number 20-59-44005

Изучение древних могильников кочевого народа хунну в горах Ноин-Ула, ставших всемирно известными благодаря раскопкам Монголо-Тибетской экспедиции (1923–1926 гг.) под руководством П. К. Козлова, является ярким примером научного сотрудничества исследователей России и Монголии. В течение столетия с открытия этого памятника вплоть до настоящего времени его изучение ведется в трех направлениях: археологические раскопки, публикация музейных коллекций, реконструкция разных аспектов истории и образа жизни населения Центральной Азии в древности. Если результаты современных полевых исследований опубликованы, то материалы раскопок прошлых лет требуют специального источниковедческого анализа и верификации данных. Археологические, письменные и изобразительные источники, освещающие процесс изучения материалов ноин-улинских могильников в первой половине XX века, оказались разделенными между разными научными учреждениями. Делопроизводственные и учетно-хранительские документы, а также исследовательские материалы поступали в государственные и ведомственные архивы России и Монголии.

Полевая документация А. Я. Баллода, который провел в Ноин-Уле первые раскопки в 1913 году, поступила в Восточно-Сибирское отделение Русского географического общества (ВСОРО) и ныне хранится в Государственном архиве Иркутской области (ГАИО, фонд 293). Поскольку Монголо-Тибетская экспедиция была организована РГО, а ее руководитель П. К. Козлов являлся его почетным членом, то освещающие процесс раскопок документы были переданы в архив этого учреждения (фонд 18).

Корпус учетно-хранительской документации ноин-улинской коллекции начал формироваться после прибытия первой партии ящиков с находками в Ленинград в 1925 году. Особую роль в дальнейшей судьбе коллекции сыграли Монгольская Комиссия и С. Ф. Ольденбург. В Петербургском филиале архива РАН (фонд 339) и архивах Российского этнографического музея (фонд 3), Института истории материальной культуры РАН (фонд 2) и Государственного Эрмитажа (фонд 2) сохранились документы, связанные с камеральной и научной обработкой находок. Первую музейную опись вещей подготовил сотрудник Этнографического отдела Русского музея С. А. Теплоухов, который был командирован в экспедицию в 1924 году по решению Академии наук. В дальнейшем при передаче материалов из одного учреждения в другое аналогичные документы были составлены в Государственной Академии истории материальной культуры (ГАИМК, ныне ИИМК РАН) и Государственном Эрмитаже. В каждый последующий список вносились ранее присвоенные номера. Сформированный таким образом корпус учетно-хранительской документации позволяет соотнести сведения документов с маркировками на музейных экспонатах и восстановить предметный комплекс для каждого из раскопанных курганов.

Реставрация археологических материалов проводилась сотрудниками Института археологической технологии (ИАТ) при ГАИМК в 1925–1930-е годы. Это стало беспрецедентным опытом работы с большим количеством археологических находок из органических и неорганических материалов. Ученый секретарь ИАТ М. В. Фармаковский сформулировал методические и методологические основы предстоящей работы, которые предусматривали детальную технологическую систематизацию всех предметов коллекции и экспериментальное исследование методов очистки. Реставрационные документы и протоколы в настоящее время хранятся в архиве ИИМК РАН.

Соблюдая международные договоренности, после завершения реставрации часть материалов из ноин-улинских курганов была возвращена в Монголию. Государственный Эрмитаж и Русский музей еще в 1925 году выразили желание принять в свои фонды оставшуюся часть этой уникальной коллекции. Аргументы каждой из сторон были столь убедительны, что дискуссия затянулась. Только в 1931 году было принято решение о передаче всех оставшихся предметов в Государственный Эрмитаж. Документы, в которых отражены решения по вопросам о музейном фонде и международных передачах, хранятся в архивах этих учреждений и в Государственном архиве Российской Федерации (фонд 5446).

Экспозиционно-выставочная работа с участием экспонатов из ноин-улинских курганов началась в 1924 году, когда в Ученом Комитете Монголии была организована первая выставка находок из раскопок Монголо-Тибетской экспедиции. В дальнейшем временные выставки организовывали РГО и ИИМК РАН. Особое место в череде этих событий занимает выставка в Берлине в 1929 году, которая стала первым международным представлением коллекции. В Русском музее была подготовлена постоянная экспозиция.

После передачи коллекции в Государственный Эрмитаж находки стали обязательными экспонатами временных выставок и постоянных экспозиций Отдела Востока.

После завершения работы Монголо-Тибетской экспедиции дальнейшие археологические раскопки в Ноин-Уле проводились силами Монгольской комиссии, а затем сотрудниками Монгольской Академии наук в рамках совместных международных проектов. В Национальном архиве Монголии, в архивах Национального музея и Института археологии МАН находятся бесценные документы, отражающие этапы полевых исследований этого памятника.

В настоящее время находки из раскопанных в разные годы ноин-улинских курганов хранятся в собраниях Государственного Эрмитажа, Иркутского областного краеведческого музея, Национального музея Монголии и Института археологии МАН. Здесь же находятся и документы, отражающие работу с этими коллекциями в течение десятилетий.

История изучения и сохранения материалов из погребений древних кочевников хунну представляет собой пример длительного международного сотрудничества. Именно комплексный анализ археологических, письменных и изобразительных источников, хранящихся в разных музейных коллекциях и архивных собраниях, позволяет корректно изучать раскопанные в Ноин-Уле древние погребения хунну, которые содержат важную информацию для исследования происходивших в Центральной Азии культурно-исторических процессов. Одновременно выявленный корпус документов освещает развитие музейного и архивного дела, становление международной выставочной деятельности, формирование профессиональных реставрационных центров, опыт сотрудничества в сфере гуманитарных наук.

Литература:

- Монголия и монголы. Вып. III / Сост. Медведева М. В., Чулуун С. – Улаанбаатар; СПб.: Адмон принтинг, 2017. — 272 с.
- Сутягина Н. А. Баллодовский курган (Ноин-Ула, Северная Монголия). Исследователи и коллекции // Российское изучение Центральной Азии: исторические и современные аспекты (к 150-летию П. К. Козлова). — СПб.: Политехника-сервис, 2014. — С. 258–277.
- Сутягина Н. А. Неизвестная Ноин-Ула. Архивные тайны // Сообщения Государственного Эрмитажа. — СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2016. — Т. LXXIV. — С. 5–20.
- Сутягина Н. А. Основные направления исследований археологической коллекции ноин-улинских курганов в 1924–1935 гг. // Археологические вести. — Вып. 30. — СПб.: ИИМК РАН, 2020. — С. 330–342.
- Чулуун С., Юсупова Т., Андреев А., Матвеева М. История последней экспедиции П. К. Козлова в Монголию. Улаанбаатар: Адмон, 2018. — 312 с. (Монголия и Монголы. Вып. IV).
- Юсупова Т. И. История не совсем обычного археологического открытия // Полосьмак Н. В., Богданов Е. С., Цэвээндорж Д. Двадцатый ноин-улинский курган. — Новосибирск: ИНФОЛИО, 2011. С. 9–51.
- Юсупова Т. И. Советско-монгольское научное сотрудничество: становление, развитие и основные результаты (1921–1961). — СПб.: Нестор-История, 2018. — 312 с.
- Sutiagina N., Kukina D. Finds from the Noin-Ula Barrows at an Exhibition in Berlin in 1929 (Based on materials from the archive of the Russian Academy of Sciences Institute of the

History of Material Culture) // Masters of the steppe. The impact of the Scythians and later nomad societies of Eurasia / Ed. St.J. Simpson, S. Pankova. London: Archaeopress, 2020. — P. 605–615.

А. А. Туранская

Рукопись «Алтун ярук» из коллекции ИВР РАН как источник по истории Центральной Азии

«Сутра золотого блеска» (санскр. *Suvarṇaprabhāsa sūtra*), известная среди древних тюрков как Алтун ярук (уйг. *Altun yaruk*), являлась одним из наиболее популярных буддийских сочинений в древнеуйгурской традиции. Доказательством этого являются многочисленные рукописные и ксилографические фрагменты этого текста, хранящиеся в коллекциях Санкт-Петербурга, Берлина и Парижа. Текст этот был переведен с китайского языка в X в. известным переводчиком буддийских текстов на уйгурский язык Шыңго Шели Тутунгом (уйгур. *Şıŋko šäli tutung*) из города Бешбалык. Наиболее полным списком этого текста на уйгурском языке является рукопись из Сериндийского фонда ИВР РАН объемом 347 листов. Эта уникальная рукопись была приобретена известным тюркологом С. Е. Маловым (1880–1957) в 1910 году, во время его экспедиции в Восточный Туркестан и Западный Китай (1909–1911). Рукопись состоит из десяти книг-цзюаней. Небольшие колофоны, включенные в конце цзюаней и отдельных глав уйгурской сутры, указывают на то, что рукопись была переписана в 25 и 26 годы правления императора династии Дай Цин Канси. Сохранившиеся миниатюры божеств на первых листах трех книг (4-й, 5-й и 9-й), которые сопровождаются молитвами-поклонениями на тибетском языке, а также текст-восхваление чайтъя (санскр. *Caityastotra*) во введении к тексту, указывают на то, что список был составлен в рамках общей уйгурско-тибетской традиции.

Доклад посвящен палеографическому и кодикологическому описанию уникального рукописного списка, а также историческим сведениям, содержащимся в колофонах текста.

М. В. Федорова

Этнографическая коллекция Д. Э. Ухтомского из экспедиции в Северную Монголию в 1910 г.

Дий Эсперович Ухтомский (1886–1918) — талантливый этнограф и путешественник, сотрудник Этнографического отдела Русского музея (1908–1918), внес значительный вклад в историю российских исследований по традиционной культуре и религии монголов и сопредельных народов Евразии начала XX в. За свою недолгую, но очень яркую и насыщенную жизнь он оставил богатое историко-культурное и научное наследие — многочисленные этнографические коллекции, собранные во время экспедиций в Забайкалье (1908) и Северную Монголию (1910, 1913), которые представляют ценнейший материал для изучения культуры и мировоззрения народов Востока.

Первой объемной публикацией, посвященной собирательской деятельности Дия Эсперовича, стал альбом «Северная Монголия в объективе экспедиции Д. Э. Ухтомского. Каталог коллекций Российского этнографического музея» из серии «Монголия и монголы» подготовленный в прошлом году к изданию в рамках совместного проекта Института истории и этнологии Монгольской академии наук (г. Улан-Батор) и Российского этнографического музея (г. Санкт-Петербург). В альбоме впервые будут

представлены уникальные фотографии, снятые специально для Этнографического отдела Русского музея в 1913 году во время научной комплексной экспедиции в Монголию, руководителем которой был Д. Э. Ухтомский.

Данный доклад посвящен этнографической коллекции по традиционной культуре монголов, собранной Д. Э. Ухтомским во время поездки в пределы Китайской империи в Северную Монголию в 1910 году, совершенной им по заданию ЭО Русского музея. Это была первая экспедиция в Монголию, организованная музеем с целью комплексного и систематизированного сбора этнографических предметов среди местного населения. В ходе экспедиции Д. Э. Ухтомский объехал верхом на лошади более 3000 верст, обследовав северную и восточную части Тушетухановского и юго-восточную часть Цэцэнхановского аймаков, а также посетил г. Урга. Здесь им были собраны коллекции среди монголов-халхасцев и живущих в Урге тибетцев (амдова и панака) (всего 236 предметов). Все эти вещи в дальнейшем поступили в ЭО и в настоящее время составляют значимую часть музейного собрания по традиционной культуре народов Центральной Азии.

В Архиве РЭМ сохранился рукописный отчет экспедиции Д. Э. Ухтомского, содержащий списки двух собранных им коллекций: монгольской и тибетской. Монгольская коллекция включает 193 предмета. В списке приводится краткое название каждого предмета на русском и монгольском языках, сумма, за которую он был приобретен; в графе «Примечание» в ряде случаев указано место сбора, история бытования и имя владельца.

Все привезенные из экспедиции предметы можно разделить на тематические комплексы, отражающие различные сферы традиционной культуры монголов.

Раздел мужской и женской одежды включает дождевой плащ с капюшоном из русского красного сукна, женские парчовые и шелковые халаты, длиннополую безрукавку из черного китайского штофа, летний и зимние головные уборы, сапоги из красной и черной кожи, стеганые носки, поясную сумку зайсана для чайной чашки.

Большую этнографическую и материальную ценность имеет комплекс женских серебряных украшений, инкрустированных кораллом, малахитом, бирюзой и декорированных накладной филигранью (головных, височных, накосных, наплечных), а также серебряные кольца, туалетные принадлежности, поясные пряжки, ножи и огнива.

В коллекции содержатся предметы быта и утварь (грабли и корзина для собирания аргала, ножницы, сундук, чайная чашка из капа (нароста) листовенницы, фляги из проклеенной бумаги пекинской работы), игры и детские игрушки, принадлежности табакокурения.

Тематический раздел традиционных художественных промыслов представлен коллекцией резной деревянной скульптуры («Борцы», «Батур вяжет тигра», «Белый старец», «Синий старец» и др.), пять из которых были переданы в дар Русскому музею С. О. Домбровской.

Значительный этнографический и исторический интерес представляет комплекс снаряжения воина и охотника, включающий старинное военное копьё, наконечник боевой стрелы, обрывок старинной кольчуги; шашку бывших суммунных войск, лук, стрелы, использовавшиеся для учебной стрельбы и охоты на белку; кольцо, сплетенное из кожи — цель для стрельбы из лука; кольцо, которое надевали на большой палец правой руки при стрельбе из лука.

Комплекс конского убранства включает седло, декорированное серебряными пластинами, с подушкой и потником, обшитыми красным шелком. По информации Д. Э. Ухтомского, седло было изготовлено мастерами Богдо-гэгэна и принадлежало жене старшего брата Богдо-гэгэна. К этому тематическому разделу также относятся две узды, подхвостники, набор железных посеребренных блях для украшения седла.

Значительное место в коллекции занимает обширный буддийский комплекс, включающий ритуальную и повседневную одежду лам различных рангов, предметы для производства живописных, скульптурных изображений и книгопечатания, атрибуты нищенствующих монахов, буддийские музыкальные инструменты, алтарные принадлежности, а также полотно «Хий морин» с обо, многочисленные танка, глиняные и бронзовые скульптуры.

Основная часть собранных Д. Э. Ухтомским предметов по традиционной культуре монголов составила коллекцию № 1899, которая была зарегистрирована самим собирателем сразу после приезда из экспедиции. Не вошедшие в нее экспонаты (главным образом буддийские атрибуты, танка и скульптуры) в последующие годы были включены в буддийские сборные коллекции и в 1936 г. были переданы в Эрмитаж (№ 2933, 3813, 3840).

В настоящее время сохранившаяся в РЭМ коллекция Д. Э. Ухтомского, привезенная из поездки в Северную Монголию в 1910 г., насчитывает более 100 предметов, многие из которых являются уникальными и составляют основу музейного собрания по монгольской культуре и религии конца XIX — начала XX в.

С. Н. Цеденова

Жанрово-тематическое своеобразие прозы Сономын Удвал

У каждого народа есть своя история, и складывается она из истории многих поколений, ярко и полно отражаясь в биографиях выдающихся личностей. Характерно, что национальная культура олицетворяется в этих людях. Среди тех, кто заложил фундамент для взлета монгольской литературы XX века, почетное место принадлежит Сономын Удвал, крупному государственному и общественному деятелю Монголии, писателю, драматургу, лауреату государственной премии МНР, международной литературной премии Лотос.

Сономын Удвал родилась 23 февраля 1921 года в сомоне Дашинчилен Булганского аймака в семье арата. Рано потеряв родителей, С. Удвал выросла в семье отчима Сонома в Южно-Гобийском аймаке.

В литературу С. Удвал пришла достаточно рано, в конце 30-х годов XX в. В 46 номере газеты «Үнэн» (1938) было опубликовано ее первое стихотворение «1 мая и наши женщины» (Майн нэгэн ба манай эмэгтэйчүүд), возвестившее о рождении нового писателя.

Творческое наследие С. Удвал многогранно: лирика, проза, драматургия, где повествовательный жанр представлен публицистикой, рассказом, повестью и романом.

Жанр рассказа занимает значительное место в творчестве писательницы. В рассказах «Номундарь», «Солдаты», «Катюша-монголка», «Не забыть», «Герой», «Букет цветов», «Жанцан», «Пять дней из двадцати лет», «На рубеже двух столетий» и др. С. Удвал рисует картины жизни современной Монголии, исторических событий.

В рассказе «Пять дней из двадцати лет» (Хорин жилийн таван эдэр) показана жизнь Цэдэндоржа, рядового партийного работника, человека трудолюбивого, честного, бескорыстного. Герой рассказа теряет жену и ребенка, потому что во время их болезни помощь единственного врача нужна была другому человеку. Много лет Цэдэндорж отдает партийной работе, но приходит время, когда на его место приходит новый человек, молодой, со своими методами работы. Но главный герой не падает духом, находит силы и дальше приносить пользу людям.

Герой рассказа «Жанцан» неожиданно оказался свидетелем человеческого горя, когда случайно оказался в юрте Завьябал. Молодая женщина в слезах рассказала Жанцану, что лама предсказал ей гибель от только что родившегося собственного ребенка. Спасение может принести только усыновление мальчика посторонним человеком. Жанцан не понимает, как молодая мать могла поверить в эти предрассудки, но, следуя обычаям, он принимает и воспитывает ребенка.

Теме советско-монгольской дружбы посвящены рассказы «Не забыть», «Катюша-монголка», «Букет цветов» и другие.

Героиня рассказа «Букет цветов» («Баглаа цэцэг») Долгор делится воспоминаниями о встрече в трудные дни Великой Отечественной войны с советским офицером, оставившими след в ее душе на всю жизнь. На вокзале Новосибирска группа монгольской молодежи, знавшая всего лишь пару слов по-русски, своими глазами увидела беженцев, печальные глаза женщин, давно не получавших вестей от мужей, плачущих детей, потерявших родителей. Они ехали на учебу в Москву. Один из залов вокзала занимали солдаты, где командир играл на скрипке в притихшем, переполненном людьми вокзале, и Долгор услышала удивительные, чарующие звуки, лившиеся из незнакомого ей инструмента. Солдаты предложили обменяться адресами, и через несколько месяцев героиня рассказа получает письмо от капитана Крылова Г. с пожеланиями хорошей учебы и твердой уверенностью в победе.

После войны, через много лет героиня рассказа приезжает в Берлин на международную конференцию, где возложила цветы к памятнику советским воинам и на могильной плите с высеченными именами погибших солдат прочитала фамилию Крылова Г.

Национальное духовно-нравственное начало лежит в основе повести «Одгэрэл» («Девушка из Гоби» в русском издании) (1957), имеющей автобиографический характер, где в центре история взросления девочки-сироты по имени Одгэрэл. Композиционно повесть состоит из двадцати пяти небольших глав, каждая из которых имеет название.

Одгэрэл бережно хранит в сердце память о рано ушедшей матери: *«Моя мать считалась передовой женщиной, одной из первых остригла волосы, ходила в зеленом костюме и носила портупею. Такой костюм носили почти все ревсомольцы. Помню, что мы с ней часто ходили по юртам, где она проводила беседы»*. Психологически убедительно автор повести рисует картину становления и развития характера Одгэрэл из робкой девочки в девушку, уверенно идущую к цели.

Повесть «Первые тринадцать» («Анхны арван гурав») (1967) рассказывает о сильных, красивых душой первых покорителях халхин-гольской целины, где была пролита кровь, и покоятся погибшие монгольские и советские воины, защищавшие ее. Жизнь первых целинников автор показывает со всеми ее радостями и сложностями.

Непростую судьбу девушки Ундрам рисует автор в повести «Редкий человек» («Ховор хүн») (1970). Повести «Две истории Мижид» (Мижидийн хоёр түүх) (1988), «Семь раундов» («Долоон даваа») рассказывают о жизни современников.

В 1973 г. выходит роман С. Удвал «Великая судьба» («Их хувь заяа»), за который автор был удостоен Государственной премии. Роман С. Удвал впервые в монгольской литературе полно и всесторонне воссоздает монументальный образ легендарного полководца Хатан-Батора Магсаржава, одного из самых прославленных исторических личностей Монголии.

С. Удвал в романе отразила наиболее важные и насыщенные годы жизни Магсаржава на рубеже XIX–XX вв., определившие всю его героическую судьбу. Становление и расцвет полководческого таланта главного героя в борьбе с китайскими захватчиками, с белогвардейскими бандами барона Унгерна, путь в Народную революцию ярко показано в романе. Герои романа вовлечены в поток исторических событий, последствия которых имели решающее значение как для них самих, так и для жизни последующих поколений.

В художественной прозе С. Удвал остро и открыто освещается ее духовно-нравственная, литературно-эстетическая, гражданская и патриотическая позиция. Ее прозаическое творчество опирается на представления о национальном менталитете, на фольклорно-литературные традиции, оно обращено к духовно-нравственному богатству, повседневному быту и природе монгольского народа. В повествовательных произведениях С. Удвал писала о любви и семейных отношениях, самых обычных, но вместе с тем многосложных, о столкновении разных характеров, разных жизненных позиций, о проблемах, радостях, тревогах, надеждах обычного человека.

А. Д. Цендина

О письменных руководствах по гаданию на кубиках на тибетском и монгольском языках

Практика гадания на кубиках пришла к монголам из Тибета. Известны такие его виды, как гадание на кубиках Лхамо, Гомбо, Мани, Абиды. Для гадания использовали три, два или один кубик с символическим изображением цифр или знаков дхарани, посвященных тому или иному божеству. Среди монголов были распространены письменные руководства по гаданию на кубиках на тибетском и монгольском языках, в которых описывался каждый гадательный случай, а также рассказывалось, что нужно предпринять для предотвращения предсказанных несчастий.

Б.-Х. Б. Цыбикова

Устная историческая проза бурят Внутренней Монголии КНР: сюжеты и мотивы

Повествовательная проза бурят Внутренней Монголии в экспедиционных записях 2018 года характеризуется несомненным тематическим своеобразием, содержащей весьма обширный исторический и этнографический материал. В устных рассказах китайских бурят отражены воспоминания о первых этапах освоения новых территорий, связанные с ним трудностях, описание особенностей мест, где им предстояло жить. Большой блок из собранного у бурят Внутренней Монголии Китая материала составляют устные рассказы историко-этнографического характера: о социальном устройстве переселенцев на первых

этапах перекочевки. В них нашло освещение такие насущные проблемы мигрантов в новых условиях существования и стабильного развития, как организация просвещения, обучения детей, лечебного дела в начале XX века в Хулунбуирском Шэнэхэне.

Из полевого материала 2018 года в отдельную группу можно выделить устные рассказы буддийских священнослужителей, имеющих традиционные знания тибетской медицины, о народных методах лечения, наработанных в процессе повседневной многовековой практики наблюдений и опыта, традиционно передающихся от старшего поколения последующим. Народная медицина была у бурят в течение длительного периода времени единственным средством для лечения болезней. В зафиксированных устных рассказах с большим пиететом говорится о роли выдающихся *эмчи-лам* — врачей, которые получили качественное образование в лучших традициях тибетской медицины в стенах монастыря Цугольский Забайкальского края, т. е. еще до переезда в Китай из России. Высочайшая квалификация, обширные знания в области лекарственных трав, опыт в их сборе и составлении эффективных травяных сборов и средств позволили не только успешно бороться с заболеваниями, но и предотвратить распространение инфекционных и иных опасных эпидемиологических угроз.

Примечательны тексты устной исторической прозы китайских бурят этнографического характера. Таковыми являются устные рассказы о Шэнэхэнском дацане, о выборе места, возведении будущего монастыря, народных пожертвованиях с указанием конкретных лиц являются устным историческим источником, приближенным к документальной фиксации прошлого.

В устной традиции бурят существует в целом множество народных обычаев, примет, поверий, а у бурят Внутренней Монголии Китая сохранились они самостоятельно в их устных рассказах, которые были зафиксированы в период экспедиционной работы. В них определенным образом регламентируются нормы поведения людей, что можно или нельзя совершать. Многие из них связаны с хозяйственной деятельностью кочевого народа, когда предписываются определенные запреты, ограничения, табу для поддержания баланса в природе, сохранения окружающей экосистемы. Обычаи, поверья, приметы, являясь значимым сегментом этнокультурной традиции народа, «основанные на наблюдениях, запоминаниях различных соответствий окружающей действительности, проверенные на протяжении не одной сотни лет... привносят в нашу жизнь все лучшее из духовного наследия прошлого» [Ларина 2017, 53].

Устные рассказы исторического, мифологического характера о народных методах лечения, обычаях, поверьях, записанные у бурят, проживающих в Китае, можно рассматривать как «глобальный историко-этнографический ресурс», в котором сконцентрированы по большому счету народные знания, «многовековой трудовой опыт, общественное устройство и быт, этническая история».

Ценность и значение повествовательной прозы шэнэхэнских бурят неопределимы, так как в ней заключена историческая память этноса, дана оценка прошлому из своей истории, через эту память воздается дань заслугам людей, ставших символом выживания. Декларируя в устной прозе нормы поведения, установленные предками мировосприятие, носители традиции ориентированы на сохранение и трансляцию их последующим поколениям. Таким образом, источниками формирования исторической памяти служат устная традиция, широкий круг устной прозы, в том числе устные рассказы исторического характера.

Монгольский Ученый Комитет в отзывах российских исследователей (1921–1950-е гг.)

Создание в ноябре 1921 г. Ученого комитета (Учкома, с 1930 г. — Комитета наук) — первого научно-исследовательского учреждения Монголии — являлось одним из важнейших условий возрождения монгольской государственности, экономического и культурного развития страны. Учком должен был стать не только ведущим учреждением по организации научной работы, но и проводить разностороннее изучение природных ресурсов страны. Кадровой опорой для Учкома была национальная интеллигенция — образованные чиновники и ламы, однако численность ее была весьма незначительна и явно недостаточна для решения поставленных задач. Для работы в Ученом комитете в первые годы активно привлекались русские и буряты, проживавшие в Монголии. В дальнейшем исследования страны проводились совместно со специально созданной Монгольской комиссией СНК / АН СССР (1925–1953 гг.), в рамках деятельности которой в Монголию направлялись экспедиционные отряды по разным научным направлениям и отдельные ученые.

Российские ученые сыграли важную роль в становлении науки и исследовательских институтов в Монголии. В то же время природно-географические особенности, население и история Монголии, представляли большой интерес для исследователей из России. Сотрудничество с Ученым комитетом дало им возможность реализовать свои личные исследовательские программы, результаты которых внесли существенный вклад в развитие целого ряда естественных и гуманитарных направлений.

Отчеты и эпистолярное наследие ученых, работавших в Монголии, являются ценными свидетельствами деятельности Учкома, характера и форм научного взаимодействия, его особенностей и проблем. Кроме того, в них содержатся важные подробности повседневного «бытования» зарождающегося монгольского научного сообщества: описание зданий Учкома, его структурных подразделений, событийное и смысловое содержание научно-исследовательской работы. Отзывы российских ученых об Учкоме позволяют дополнить историографическую картину и воссоздать контексты, важные для изучения его истории. Кроме того, впечатления, сформированные учеными, как правило, непосредственно после пребывания в Монголии, отражают эмоциональный фон их работы в Учкоме, знание которого является важным для биографических реконструкций. Следует отметить также, что нередко отчеты сопровождались фотоматериалами, представляющими дополнительную информацию для истории Учкома. Так, обширный видеоряд о здании Учкома и его архитектурных особенностях содержат фотографии археолога Г. И. Боровки, сделанные в 1924–1926 гг.

В докладе будут проанализированы воспоминания об Учкоме ряда российских исследователей, которые работали в Монголии в 1920-х — 1950-х гг. Среди них известный путешественник П. К. Козлов, руководитель Монголо-Тибетской экспедиции 1923–1926 гг. В его дневниках (СПб., 2003) содержится многочисленная информация об Учкоме и его сотрудниках. Одними из первых российских исследователей, которые остались работать в Учкоме на постоянной основе были сотрудники Монголо-Тибетской экспедиции С. А. Кондратьев (в 1925–1930) и А. Д. Симуков (в 1926–1939). Чуть позже к ним присоединилась М. И. Клягина-Кондратьева (в 1926–1930 г.), которая заведовала Фондом европейских книг библиотеки Учкома. Ее дневники, опубликованные в журнале

«Mongolica» (2001, 2007) также наполнены подробными деталями повседневной жизни, условий работы в Учкоме, выполнения должностных обязанностей, взаимоотношений с монгольскими коллегами.

Еще одним сотрудником Учкома была в последующем известный монголовед Н. П. Шастина, которая сменила М. И. Клягину-Кондратьеву на посту заведующей Европейским фондом. О своих впечатлениях об Учкоме и его сотрудниках она написала воспоминания, опубликованные в 1974 г. [6]

Особенно часто заметки об Учкоме встречаются в публикациях российских ученых, которые приезжали в Монголию по направлению Монгольской комиссии в 1925–1929 гг. В публичном пространстве одним из первых поделился информацией об Учкоме минералог Б. М. Куплетский в журнале «Природа» в 1925 г. Так, в частности, он отметил такую его особенность: «Работа в Ученом комитете заметно отличается от медлительного темпа работ других монгольских учреждений, идет энергично, и этот культурный уголок, заброшенный в далекой Урге, становится отправным пунктом для каждого русского исследователя, намеревающегося работать в районе северо-восточной Монголии» [3, с. 63].

В этом ряду следует также отметить «Дневники поездки в Ургу в 1927 г.» известного бурятского ученого Г. Ц. Цыбикова, которого связывали тесные научные контакты с Учкомом. Он оставил ценные свидетельства о монгольском научном учреждении и о своей работе с его сотрудниками.

Об Ученого комитете в 1940-е гг. поделились наблюдениями в своих публикациях одни из самых авторитетных специалистов по Монголии — географ Э. М. Мурзаев [4] и ботаник А. А. Юнатов [2]. О первых послевоенных годах Учкома рассказывается в книге палеонтолога И. А. Ефремова [1], экспедиция которого работала в Монголии в 1946–1949 гг.

Все отзывы российских ученых об Учкоме и работе с монгольскими коллегами носят, в основном, позитивный и доброжелательный характер, который в целом отражают слова известного ученого-почвовед Б. Б. Полынова. В отчете 1926 г. он написал, что о пребывании в Монголии сохранит воспоминания «как о светлом времени дружной, согласной совместной работы» [5, с. 2].

Литература:

- 1 — *Ефремов И. А.* Дорога ветров (Гобийские заметки). 2-е изд. М., 1962.
- 2 — *Карамышева З. В.* Александр Афанасьевич Юнатов и его работа в Монголии // Монголо-российское научное сотрудничество: от Ученого комитета до Комитета наук. Улаанбаатар, 2012. С. 136–152.
- 3 — *Куплетский Б. М.* По Северной Монголии // Природа. 1925. № 10–12. С. 62–71.
- 4 — *Мурзаев Э. М.* Наука в Монгольской Народной Республике // Труды Московского института востоковедения. М., 1947. С. 313–326.
- 5 — *Полынов Б. Б.* Предисловие // Предварительный отчет почвенно-географической экспедиции в Северную Монголию в 1926 г. Л., 1930.
- 6 — *Шастина Н. П.* Воспоминания о Монголии // Книга Братства: М.; Улаанбаатар, 1971. С. 206–218.

Народные песни тувинцев Монголии и Китая: общность локальных традиций

В фольклорной традиции тувинцев Монголии и Китая, в отличие от материнского этноса (российских тувинцев), имеется идентичный фонд народных песен — *ырлар* о родных местах и кочевьях, правителях, при подношении молочной водки и др. Эти песни до сих пор бытуют на всей территории проживания тувинцев Синьцзяна (горно-таежная и горно-степная зоны), а также они имеются в песенном репертуаре цэнгэльских и ховдинских тувинцев Монголии. Из них самыми распространенными являются народные песни о родной земле: Эви-Хем (Река Эви) и Конгурей. Упоминаемые в песнях топонимы (река Эви, Харааты, озеро Тураган) находятся на территории Китая, в его южной, приграничной с Монголией части, в Кок-Догае и Тамыкы, в местах расселения китайских тувинцев, где берет начало Иртыш. Как отмечала Эрика Таубе, Эви-Хем является притоком Иртыша, Харааты впадает в р. Кобдо (1995, с. 16). Наличие схожих песен свидетельствует о неразрывной связи песенного творчества обеих групп этнических тувинцев, разделенных границей, но сохранивших свою этническую идентичность и родной язык, у которых эти места были родовыми кочевьями до установления границы между Китаем и Монголией в 1911 г., после распада Цинской империи. Особый интерес вызывают и схожие песни-восхваления правителей, существующих в обеих тувинских группах. Несмотря на разные исторические периоды в жизни тувинцев Монголии и Китая, до сих пор активно бытуют песни, правителям родоплеменных групп, к которым они относятся с уважением. Подобные песни, судя по архивным материалам Тувинского института гуманитарных исследований, бытовали и на территории современной Тувы. Однако под влиянием коммунистической идеологии в настоящее время среди носителей традиции они забыты. В песенных текстах тувинцев Монголии и Китая встречаются лексемы разных уровней: названий определенных местностей, рек, величественных гор; наименований родства; наименований исторических артефактов; названий величественных птиц, которые выступают в роли символов, олицетворяющих собой отвагу и смелость; названий ритуальных предметов. Поэтический язык песен насыщен словами высокого стиля, в них продолжает сохраняться архаичная лексика, вышедшая из активного употребления. В песенных текстах встречается и жесткий отбор лексики разных стилей, подбор глаголов, составляющих разные лексико-семантические группы, а также художественно-изобразительных средств. Нужно отметить и то, что, если для тувинцев Китая, в народных песнях используются реальные топонимы и восхваляются родные места, то для тувинцев Монголии в этих песнях сохранилась память народа о прошлом. В докладе будет озвучен и исторический аспект бытования сложившейся песенной традиции у монгольских тувинцев.

Н. В. Ямпольская

К вопросу о структуре монгольских рукописных Ганджуров XVII в.: особенности тома GA раздела «Сутры»

Исследования последних лет полностью перевернули представления учёных о структуре и истории формирования монгольского буддийского канона — Ганджура. Знакомство научного сообщества с этим собранием текстов началось во второй половине XX в., после публикаций каталогов Пекинского ксилографического издания 1718–20 гг.

(L. Ligeti. Catalogue du Kanjur Mongol imprimé, 1942) и рукописи из собрания СПбГУ — единственного известного сегодня полного списка Ганджура на монгольском языке (З. К. Касьяненко. Каталог петербургского рукописного «Ганджура», 1993). Опираясь на эти источники, до недавнего времени было принято говорить о двух редакциях канона — рукописной и ксилографической. С середины 2010-х гг. в научный оборот постепенно вводятся данные, полученные в ходе работы с рядом малодоступных источников — неполных комплектов, отдельных томов или фрагментов рукописных монгольских Ганджуров, хранящихся в Монголии, Китае, России и Европе. Промежуточные результаты исследования демонстрируют, что Ганджуры, принадлежащие к «рукописной редакции», различаются между собой в структуре и содержании, и в XVII в. монгольский Ганджур, подобно тибетскому, представлял собой подвижную систему текстов.

Сегодня известно о существовании девяти рукописей монгольского Ганджура:

1. Библиотека Восточного факультета СПбГУ — 113 тт. (полный комплект, XVII в.).
2. ИМБТ СО РАН (г. Улан-Удэ)— 108 (или 109) тт. (конец XVII или начало XVIII в.).
3. Академия общественных наук Внутренней Монголии (г. Хух-хото) — 109 тт.
4. Национальная библиотека Монголии (г. Улан-Батор) — 70 тт.
5. Этнографическое собрание Национального музея Дании — том *cha* из раздела Тантра.
6. Академия общественных наук Внутренней Монголии (г. Хух-хото) — 20 тт. (Золотой Ганджур, написанный по указу Лигдан-хана в 1928–29 гг.).
7. ИБР РАН и ряд библиотек Европы — 34 лл. рукописи, написанной золотом на чёрно-синей бумаге (первая половина XVII в.), обнаружены в Джунгарии.
8. ИБР РАН и ряд библиотек Европы — 794 лл. (XVII в.), обнаружены в Джунгарии (монастырь Аблай-хит), далее Ms. I.
9. ИБР РАН и ряд библиотек Европы — 479 лл. (XVII в.), обнаружены в Джунгарии (монастырь Аблай-хит), далее Ms. II.

Последние четыре рукописи из приведённого списка можно выделить как архаичную группу, на что, в первую очередь, указывает ряд палеографических и кодикологических характеристик (особенности дукта, галика, орфографии, пагинации, пометы переписчиков). Отмечены и особенности в их структуре и содержании¹⁸:

1. В Золотой Ганджур из Хух-Хото пять сутр *Pañcarakṣā* вошли в переводе Шераб-Сенгге (XIV в.), в другие известные Ганджуры — в переводе Аюуши-гуши (XVI в.); среди рукописей из Джунгарии фрагменты этой сутры не обнаружены.

2. «Золотые» фрагменты из Джунгарии содержат ранее неизвестный архаичный перевод сутры *Bhadrakalpika*, другие известные Ганджуры — перевод Дайчин-тайджи (конец XVI — начало XVII в.); среди других Ганджуров из Джунгарии (Ms I и Ms. II), в Золотом Ганджуре из Хух-Хото и Улан-Баторском ганджуре фрагменты этой сутры не обнаружены.

¹⁸ Подробнее об этом см. Kirill Alekseev. On the Correlations between the Copies of the Mongolian Manuscript Kanjur // Монгол Ганжуур. Олон улсын судалгаа. Улаанбаатар, 2017. Pp. 37–50.

3. В джунгарских рукописях Ms. I и Ms. II и Улан-Баторском Ганджуре том *nga* раздела «Тантры» имеет структуру, отличающуюся от остальных известных списков; в Золотом Ганджуре из Хух-Хото и среди «золотых» фрагментов из Джунгарии этот том не обнаружен.

Вышеперечисленные наблюдения дают лишь фрагментарное представление о структуре и содержании редакции (или редакций) Ганджура, бытовавших среди монголов в первой половине XVII в., но в силу избирательной сохранности имеющихся в нашем распоряжении списков пока нет возможности говорить о полной картине — её приходится собирать по крупицам. Сегодня эта картина может быть дополнена новыми данными о составе тома *ga* раздела «Сутры»: сохранившиеся фрагменты джунгарских рукописей Ms. I и Ms. II (двух родственных между собой списков) указывают на то, что в этих двух списках структура тома отличается от той, которую мы видим в Петербургской, Улан-Удэнской, Улан-Баторской и «чёрной» Хух-Хотской рукописях (среди томов Золотого Ганджура из Хух-Хото и «золотой» джунгарской рукописи нет фрагментов тома *ga* «Сутры»).

В частности, среди фрагментов Ms. I есть лист (маркировка 158, *ga*, *eldeb*), содержащий начало первой главы сутры *Buddhabala-dhana-prātihārya-vikurvāṇa-nirdeśa* (монг. *qutuy-tu burqan-u küčün egüskeküi ridi qubilyan-i teyin büged qubilyaju üjügülküi neretü yeke kölgen sudur*). В Петербургском рукописном Ганджуре этот текст расположен в томе *da* (№ 657), в Пекинском — в томе *tsha* (№ 942) раздела «Сутры».

Среди фрагментов Ms. II есть лист (маркировка 124, *ga*, раздел не указан), содержащий конец сутры *Upayakausalya* (монг. *uran ary-a neretü yeke kölgen sudur*) и начало сутры *Sarvadharmagaṇavyūharāja* (монг. *qutuy-tu qamuy nom-un erdem jokiyaysan qayan neretü yeke kölgen sudur*). В Петербургском рукописном Ганджуре эти тексты следуют в том же порядке в томе *da* (№№ 660, 661) раздела «Сутры», в Пекинском помещены в разные тома того же раздела — *'a* (№ 1018) и *ja* (№ 869) соответственно. Такое расположение сочинений не имеет эквивалента среди известных нам монгольских и тибетских экземпляров Ганджура. В докладе будет подробнее рассказано об особенностях структуры тома *ga* раздела «Сутры» в сравнительном ключе.

Н. С. Яхонтова

Аспиранты из Монголии в Академии Наук СССР (Москва 1931–1938)

Договоренность о подготовке аспирантов в системе АН СССР была достигнута весной 1931 г. во время визита председателя Комитета наук Монголии А. Амора в Москву. Планировалось, что каждый год из Монголии будут приезжать 10 молодых людей для обучения в аспирантуре. Поскольку Академия наук до 1934 г. находилась в Ленинграде, туда и приехали первые аспиранты в декабре 1931 г. Трое: Дамдин Санжа, Тундубин Аюрзана и Гемпелин Цебен, были зачислены в аспирантуру с 1 декабря, еще двое: Шалонов Цебек и Юмцунов Дондок приехали чуть позже, их зачислили с 1 января 1932 г., и один: Балдан Содном — с 1 февраля 1932 г. Еще два аспиранта: Джалцабон Дугарсурун и Самданов Лувсамдандин приехали осенью 1932 г. и были зачислены с 1 сентября. Первый, неполный, 1931/32 и второй 1932/33 учебные года были целиком посвящены общеобразовательной подготовке аспирантов и изучению ими русского языка. Одновременно Комитет по подготовке кадров (КПК) — структура в АН, ответственная за подготовку аспирантов, занимался поиском вариантов для их обучения по конкретным

направлениям, как в структуре АН, так и в других учебных и научных учреждениях. Их специализации были заранее определены монгольской стороной, однако для некоторых аспирантов их изменили в процессе подготовки: Дондок Юнцунов — геология (изменили на аэро-фото-съёмку), Цебек Шалонов — геология, Содном Балдан — зоотехния (изменили на литературу), Цебен Гемпелин — химия (изменили на крупный рогатый скот), Аюрзан Тундубин — биология (заменяли на овцеводство), Санжа Дамдин — почвоведение, Джалцабон Дугарсурун — геодезия, Самданов Лубсандамдин — геодезия.

Один аспирант, Дамдин Санжа, не прибыл к началу занятий осенью 1933 г. из-за отпуска до осени 1934 г., предоставленного ему правительственными органами МНР, но он не приехал и осенью 1934 г., был отчислен из аспирантуры и больше он на учёбу не возвращался. Не вернулись из летнего отпуска осенью 1934 г. Балдан Содном и Юнцунов Дондок, и оба были отчислены с 01.09.1934. Но оба через год продолжают обучение уже в Москве.

Из приехавших в Ленинград аспирантов еще осенью 1932 г. двое были направлены в Москву: Тундубин Аюрзана — во Всесоюзный институт животноводства и Джалцабон Дугарсурун — в Московский межевой институт (Московский геодезический институт), туда же должен был отправиться и Самданов Лубсандамдин, но из-за болезни его отпустили на год в отпуск в Монголию, назад он не вернулся и был отчислен. Джалцабон Дугарсурун после семи месяцев обучения в Московском геологоразведочном институте, уехал в Монголию, назад не вернулся и был отчислен. Позже он вернулся и продолжил учебу.

Для обучения Тундубин Аюрзаны между Академией наук и Всесоюзным институтом животноводства (ВИЖ) в Москве был заключен договор, по которому АН оплачивала его занятия, как по общеобразовательным, так и по специальным предметам. В ноябре 1933 г. в Москву в ВИЖ был отправлен Гемпелин Цебен, который до этого проходил обучение в Ленинградском учебном комбинате социалистического молочного животноводства (в Детском Селе). Новый договор, заключенный с ВИЖ, уже касался подготовки обоих аспирантов: ВИЖ обязался преподавать им «курс необходимых знаний для лиц, специализирующихся в области с/х животных». По общим результатам обучения в 1933/34 учебном году, преподаватели отмечали, что т. Гемпелин занимается более успешно, и имеет оценку «хорошо», а т. Тундубин — «удовлетворительно». В следующем 1934/35 учебном году отзывы преподавателей были такими же, даже более категоричными в отношении Аюрзаны, которого грозили отчислить, если он не «возьмется за ум». По результатам его работы в 1935/36 г. опять встал вопрос об его отчислении, но осенью 1936 г. Аюрзана начал активно работать, и его руководитель проф. Томмэ в отзыве написал, что «т. Тундубин буквально преобразился», что он проводит экспериментальную часть своей диссертационной темы: «Влияние кастрации кроликов на обмен веществ и использование питательных веществ корма» и в мае месяце 1937 г. сможет защитить диссертацию на степень кандидата с.х. наук. Однако эти планы не осуществились, потому что в 1937 г., судя по документам, Аюрзана снова забросил учебу.

В 1935 г. Гемпелин Цебен, увлекшись биохимией, просил изменить свой профиль подготовки, и его новой темой стала «Биохимия кормов». По оценке руководителей он относился к наиболее успевающей группе аспирантов ВИЖ-а. Однако в декабре 1935 г. он заболел и в течение весеннего семестра 1935/36 учебного года несколько раз находился на

лечения в Крыму. Летом 1936 г. было принято решение отправить его в Монголию. Назад он вернулся через год и был вновь зачислен в аспирантуру ВИЖ в декабре 1937 г. По оценке его научного руководителя проф. Прянишникова для завершения работы ему требовался еще год и два месяца.

В августе 1935 г. в Москву, чтобы продолжить прерванное обучение, приехал Дугарсурун Джалцабон. Он продолжил занятия в Геологоразведочном институте, по индивидуальной программе в области разведки полезных ископаемых. О его занятиях преподаватели отзывались сдержанно положительно. Сохранилась справка (от 10.02.38) о сданных им за время обучения дисциплинах, в которой более 40, как общих, так и специальных предметов. Большинство оценок «удовлетворительно», но есть три «отлично» (геокартирование, черчение и маркшейдерия) и два «хорошо» (физика и геодезия практика). Дугарсурун Джалцабон в 1937 г. был на двух практиках: летом в Бахчисарае, а осенью в Кривом Роге, ему оставалось оформить материалы в дипломный проект (защита была запланирована на май 1938 г.).

Неожиданно и с небольшим опозданием для продолжения обучения в Москве в 1935/36 учебном году приехали два отчисленных год назад аспиранта: Балдан Содном и Юмцунов Дондок, и оба были зачислены с 1 сентября 1935 г. Первый предполагал продолжить обучение по специальности литературоведение. До этого он успешно занимался под руководством Н. Н. Поппе в Институте востоковедения в Ленинграде, но из-за болезни вынужден был уехать в Монголию в феврале 1934 г. С учетом более подходящего климата Балдан Содному было рекомендовано продолжить обучение в Москве. Он начал заниматься при Институте востоковедения им. Н. Н. Нариманова, изучая уже не только монгольскую литературу, но и русскую, а также русский язык, для чего привлекались преподаватели из педагогических вузов. Балдан Содном, по отзывам преподавателей, занимался успешно (из монголистов ему преподавал Г. Д. Санжеев, летом 1938 г. планировалась командировка в Ленинград для занятий с Н. Н. Поппе). Была определена тема его диссертации — «История монгольской драматургии (пореволюционного периода)», защита планировалась в середине января 1939 г.

Юмцунов Дондок был зачислен в Московский геодезический институт, для продолжения занятий по геодезии (в Ленинграде он занимался в Учебном комбинате гражданского воздушного флота с целью подготовки инженера по фотосъемке). Он занимался на картографическом факультете, но его занятия проходили далеко не успешно: пропуски занятий, невыполнение заданий, несданные курсы, и в итоге по результатам 1935/36 учебного года Институт поставил вопрос об его исключении. Понадобилось вмешательство Сектора спецаспирантуры (новое название КПК), Юмцунову Дондоку был назначен специальный куратор (декан факультета) и его занятия в 1936/37 учебном году пошли более успешно, но ему предстояло обучение еще в течение четырех лет.

По независящим от него причинам Шалонов Цебек в ноябре 1935 г. был отправлен в Москву. Его перевод связан с тем, что в конце апреля 1934 г. Совнаркомом было принято решение о переводе АН и некоторых институтов АН в Москву. Геологический институт был переведен в 1935 г. и Шалонов Цебек тоже, и хотя в Москве у него сменился руководитель, он продолжил обучение по программе, которая была намечена ранее. Два раза (летом 1936 г. и 1937 г.) он участвовал в качестве практиканта в экспедициях в Казахстан. Его работа шла по плану и на весенний семестр 1937/38 учебного года было запланировано написание дипломной работы.

В начале 1938 г. в Москве проходили обучение шесть аспирантов из Монголии, многие были близки к завершению своего обучения, но для всех оно закончилось, когда был издан приказ № 8 от 2 февраля 1938 г., подписанный и.о. начальника Управления подготовки научных кадров АН СССР Д.К. Моториным, где было сказано, что всех аспирантов из Монголии «в связи со слабой успеваемостью и несоответствия их подготовки уровню аспирантуры Академии Наук отчислить с 1 февраля 1938 г. из состава аспирантуры АН СССР» и передать в распоряжение Полпредства МНР.

СПИСОК УЧАСТНИКОВ КОНФЕРЕНЦИИ
LIST OF PARTICIPANTS

Birtalan Agnes

Professor, head of the Department of Mongolian and Inner Asian Studies, Eötvös Loránd University, Budapest.

birtalan@hotmail.com, birtalan.agnes@btk.elte.hu

Rakos Attila

Ph.D., Eötvös Loránd University, Department of Mongolian and Inner Asian Studies, Research Centre for Mongol Studies, Budapest.

rakos@innerasia.hu

Алексеев Кирилл Всеволодович

Ст. преподаватель Кафедры монголоведения и тибетологии Восточного факультета СПбГУ, г. Санкт-Петербург.

kvalexeev@gmail.com

Алтансүх Ганбатын

Ph. D, Институт Истории и Этнологии Монгольской Академии Наук, г. Улан-Батор.

ganbatalansukh@gmail.com

Бадмацыренова Надежда Бадмажаповна

К. филол. н., доцент кафедры филологии Центральной Азии Восточного института ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова», г. Улан-Удэ.

nadya_dambayeva@mail.ru

Байндалай Батан

Магистрант ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова», г. Элиста.

bayandalai@qq.com

Баярчимэг Энхтайваны

Ph. D, Институт языка и литературы Монгольской Академии Наук, г. Улан-Батор.

ebayarchimeg888@gmail.com

Бикмаева Карина Игоревна

Аспирант, Институт стран Азии и Африки МГУ, г. Москва.

karina.bikmaeva@mail.ru

Бичеев Баазр Александрович

Д. филос. н., Главный редактор научной серии «Corpus scriptorum oiratorum», г. Элиста.

bazar@mail.ru

Бойкова Елена Владимировна

К. и. н., старший научный сотрудник Отдела Кореи и Монголии. Институт востоковедения РАН, г. Москва.

e.bojkova@hotmail.com

Валеев Рамиль Миргасмович

Д. и. н., профессор. кафедры алтаистики и китаеведения, ИМО, ФГБОУ ВО «Казанский (Приволжский) Федеральный университет», Республика Татарстан, г. Казань.
valeev200655@mail.ru

Валеева Роза Закариевна

К. пед. н., доцент, Казанский инновационный университет.
rozazv@mail.ru

Васильева Дугвэма Натар-Доржиевна

К. филол. н., доц. кафедры восточных языков Переводческого факультета МГЛУ, г. Москва.
dug-vema@mail.ru

Ганбат Лхүндэвийн

Ph. D., Институт Истории и Этнологии Монгольской Академии Наук, г. Улан-Батор.
ganbataltansukh@gmail.com

Гребеншикова Галина Александровна

Д. и. н., профессор Санкт-Петербургского государственного морского технического университета, г. Санкт-Петербург.
inversiya@bk.ru

Дампилова Людмила Санжибоевна

Д. филол. н., доцент, главный научный сотрудник, координатор работы Отдела литературоведения и фольклористики Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН, г. Улан-Удэ.
dampilova_luda@rambler.ru

Дашибалова Дарима Владимировна

К. филол. н., старший научный сотрудник Центра восточных рукописей и ксилографов Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН, г. Улан-Удэ.
dardash3@gmail.com

Дробышев Юлий Иванович

К. и. н., старший научный сотрудник Отдела Истории Востока Института востоковедения РАН, г. Москва.
altanus@mail.ru

Елихина Юлия Игоревна

К. и. н., старший научный сотрудник, Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург.
je07@inbox.ru

Жабон Юмжана Жалсановна

К. и. н., Центр восточных рукописей и ксилографов Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН, г. Улан-Удэ.
yumzhan@gmail.com

Жамсуева Дарима Санжиевна

К. и. н., доцент, старший научный сотрудник Отдела философии, культурологии и религиоведения Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН, г. Улан-Удэ.

darisan@rambler.ru

Захарова Ирина Михайловна

К. и. н., ведущий научный сотрудник Отдела истории русской культуры Государственного Эрмитажа, г. Санкт-Петербург.

zakharovairina@mail.ru

Захарова Наталья Владимировна

Фотограф Института восточных рукописей РАН, г. Санкт-Петербург. Член Союза фотохудожников России

natzah68@yandex.ru

Зорин Александр Валерьевич

К. филол. н., старший научный сотрудник Института восточных рукописей РАН, г. Санкт-Петербург.

kawi@yandex.ru

Кузьмин Юрий Васильевич

Д. и. н., проф., кафедра мировой экономики и экономической безопасности, Байкальский государственный университет, г. Иркутск.

kuzminuv@yandex.ru

Кульганек Ирина Владимировна

Д. филол. н., главный научный сотрудник, зав. Сектором Центральной Азии отдела Центральной и Южной Азии. Институт восточных рукописей РАН, г. Санкт-Петербург.

kulgan@inbox.ru

Мандрик Мария Вячеславовна

К. и. н., старший научный сотрудник, Научный архив, Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург.

mmandrik@mail.ru

Меняев Бадма Викторович

Специалист, Международный научно-исследовательский центр «Ойраты и калмыки на Евразийском пространстве», ФГБОУ ВПО «Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова», г. Элиста.

bmeyaev@mail.ru

Митруев Бембя Леонидович

Научный сотрудник, Калмыцкий научный центр РАН, г. Элиста.

bemitrouev@yahoo.com

Мөнхцэцэг Энхбатын

Ph. D., доцент, Институт языка и литературы Монгольской Академии Наук, г. Улан-Батор.

ilha_0011@mail.ru

Нацагдорж Батцэнгэлийн

Ph. D., Институт Истории и Этнологии Монгольской Академии Наук, г. Улан-Батор.
natsga@gmail.com

Носов Дмитрий Алексеевич

К. филол. н., научный сотрудник Сектора Центральной Азии Отдела Центральной и Южной Азии. Институт восточных рукописей РАН, г. Санкт-Петербург.
dnosov@mail.ru

Орлова Кеemia Владимировна

Д. и. н., ведущий научный сотрудник Отдела Кореи и Монголии Института востоковедения РАН, г. Москва.
orlovnk@mail.ru

Пан Татьяна Александровна

К. и. н., Заместитель директора по науке, зав. отделом Дальнего Востока Института восточных рукописей РАН, г. Санкт-Петербург.
ptatiana@inbox.ru

Петрова Мария Павловна

К. ф. н., доцент Кафедры монголоведения и тибетологии Восточного факультета СПбГУ, г. Санкт-Петербург.
mariap2001@mail.ru

Почекаев Роман Юлианович

К. юр. н., профессор, зав. Кафедрой теории и истории права и государства. Санкт-Петербургского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».
ropot@mail.ru URL: www.pr-page.narod.ru

Пүрэвжав Эрдэнийн

К. филол. н., доцент, Институт языка и литературы Монгольской Академии Наук, г. Улан-Батор.
purvee_9@yahoo.com

Рыкин Павел Олегович

К. и. н., Институт лингвистических исследований РАН, г. Санкт-Петербург.
ravryk@yandex.ru

Сабиров Рустам Тагирович

К. и. н., Институт стран Азии и Африки МГУ.
tabarzin@gmail.com

Сабрукова Светлана Санджиевна

К. филол. н., младший научный сотрудник Отдела рукописей и документов. Институт восточных рукописей РАН, г. Санкт-Петербург.
ssabrukova@yandex.ru

Сизова Алла Алексеевна

Младший научный сотрудник Отдела рукописей и документов. Институт восточных рукописей РАН, г. Санкт-Петербург.
al.la.sizova@yandex.ru

Скрынникова Татьяна Дмитриевна

Д. и. н., профессор, главный научный сотрудник, зав. Отделом Центральной и Южной Азии. Институт восточных рукописей РАН, г. Санкт-Петербург.
skryta999@mail.ru

Соловьева Алевтина Андреевна

К. филол. н., н. с. Центра типологии и семиотики РГГУ, ведущий научный сотрудник Института классического Востока и античности ВШЭ (г. Москва), research fellow, Institute of Cultural Studies, University of Tartu.
asolovyova@yandex.ru

Сутягина Наталья Александровна

Научный сотрудник, хранитель коллекций Ноин-Улы, древней и средневековой Монголии, Тувы и Забайкалья. Отдел Востока, Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург.
na.sutiagina@gmail.com

Сыртыпова Сурун-Ханда Дашинимаевна

Д. и. н., Институт востоковедения РАН, г. Москва.
syrtyp@mail.ru

Туранская Анна Александровна

К. филол. н., младший научный сотрудник лаборатории «Сериндика» Института восточных рукописей РАН, г. Санкт-Петербург.
turanskaya@mail.ru

Федорова Марина Владиславовна

К. и. н., ведущий научный сотрудник отдела этнографии народов Сибири и Дальнего Востока. Российский этнографический музей, г. Санкт-Петербург.
fedorovarme@mail.ru

Цеденова Светлана Николаевна

К. филол. н., доцент, доцент Кафедры калмыцкой литературы и журналистики ФГБОУ ВПО «Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова», г. Элиста.
gerelma_777@rambler.ru

Цендина Анна Дамдиновна

Д. филол. н., профессор Института классического востока и античности Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва.
atsendina@hse.ru

Цыбикова Бадма-Ханда Бадмадоржиевна

К. филол. н., доцент, ведущий научный сотрудник Отдела литературоведения и фольклористики Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН, г. Улан-Удэ.
bch58@yandex.ru

Чулуун Сампилдондовын

Д. и. н., профессор, академик МАН, Генеральный секретарь Международной ассоциации монголоведов, г. Улан-Батор.
samchuluun@gmail.com

Эрдэнэ-Очир Насан-Очирын

Ph.D., ученый секретарь Института археологии Монгольской Академии Наук,
г. Улан-Батор.
erdeneochir.mgl@gmail.com

Юсупова Татьяна Ивановна

Д. и. н., ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института истории
естествознания и техники РАН, г. Санкт-Петербург.
ti-yusupova@mail.ru

Юша Жанна Монгеевна

Д. филол. н., Институт филологии СО РАН, г. Новосибирск.
zhanna-yusha@yandex.ru

Ямпольская Наталия Васильевна

Ph. D., старший научный сотрудник Сектора Центральной Азии Отдела Центральной и
Южной Азии. Институт восточных рукописей РАН, г. Санкт-Петербург.
nataliyampolskaya@yandex.ru

Яхонтова Наталия Сергеевна

К. филол. н., доцент, старший научный сотрудник Сектора Центральной Азии Отдела
Центральной и Южной Азии. Институт восточных рукописей РАН, г. Санкт-Петербург
nyakhontova@mail.ru